

ГЛАВА VI.

Могилевъ. Переправа. Въѣздъ въ городъ. Факторы. Заѣздные дома. Торговцы. Евреи. Семейство Р... Фитильщики. Базаръ. Торговки, ихъ нравы и обычаи. Миротлюбивый полицейскій. Армяне. Ремесленники. Портные. Разсказъ женскаго портнаго. Виноградники. Красавица. Послѣдній пунктъ контрабанды.

Прежде, чѣмъ начну говорить объ Атакахъ, я попрошу читателя послѣдовать за мною на противоположный берегъ и взглянуть на Могилевъ — лучший уѣздный городъ Каменецъ-Подольской губерніи. Раскинулся онъ на нѣсколько верстъ въ длину, потому что весьма немного имѣетъ пространства въ ширину, бывъ сжатъ красивыми и высокими скалами. Изъ Атакъ Могилевъ довольно живописенъ и оригиналенъ, но съ вершины одной горы по брацлавской дорогѣ, à vol d'oiseau, представляетъ замѣчательную картину, оживленную виноградниками и фруктовыми садами, нерастущими развѣ на рыночной площади, картину, которая при обстановкѣ другаго берега, особенно при закатѣ солнца, украсила бы альбомъ любого талантливаго живописца. Въ картинѣ этой нѣтъ дали, потому что она замкнута въ ущельѣ, но глаза не могутъ оторваться отъ подробностей какъ бессарабскаго берега, съ его причудливыми формами, тропинками и лѣсомъ, такъ и отъ узкихъ и кривыхъ улицъ города съ его древними церквами и строеніями. Могилевъ не похожъ на города, встрѣчаемые въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ, — это чисто мѣстное произведеніе, но въ которомъ типъ западныхъ губерній отдаетъ вмѣстѣ чѣмъ-то восточнымъ и ставитъ въ тупикъ наблюдателя, незнакомаго съ его исторіей. Въ самомъ дѣлѣ, въ Могилевѣ найдете вы сходство съ Каменецъ-Подольскомъ, и въ то же время архитектура какого нибудь дома напомнитъ вамъ Тифлисъ или скорѣе Эривань, разумѣется, издали, потому что вблизи отдаленное это сходство съ востокомъ не придетъ вамъ въ голову. Для пріѣзжаго особенно интересна при-

рѣчная часть города въ районѣ обширнаго рынка, кипящаго евреями. Но бросимъ краткій взглядъ на исторію этого города, на сколько позволяютъ намъ средства, при бѣдности источниковъ относительно городовъ, неигравшихъ важной роли въ политикѣ или неслужившихъ мѣстомъ какой нибудь извѣстной рѣзни, доставившей такъ называемую славу той или другой личности.

Ни »Starożytna Polska«, ни статистическое описаніе Подольской губерніи не представляютъ прямыхъ указаній о времени построения Могилева. Въ послѣдней прямо говорится, что Могилевъ принадлежалъ воеводамъ валахскимъ. Обстоятельство это вызвало замѣтку автора »Starożytnej Polski«, т. 2, стр. 1057: »Какимъ же образомъ они (т. е. валахи) могли основать на чужой землѣ городъ и владѣть имъ? Развѣ вопреки мѣстнымъ законамъ исходатайствовали особую королевскую привилегію? Если такъ, то остается жалѣть, что авторъ не указалъ источника«. И, несмотря на подобную замѣтку, описаніе Могилева начинается слѣдующимъ образомъ: »Могилевъ при впаденіи Дерлы въ Днѣстръ. Іеремія Могила, сдѣлавшись при помощи польскаго оружія молдавскимъ воеводой, былъ данникомъ Польши и выдалъ четырехъ дочерей за польскихъ магнатовъ. Одна изъ нихъ, Марія, была за Стефаномъ Потоцкимъ— воеводою брацлавскимъ, который, можетъ быть (!), основалъ городъ и въ память тестя назвалъ Могилевомъ«. Очень наивное предположеніе, тѣмъ болѣе, что надъ Днѣпромъ есть другой Могилевъ, который никоимъ образомъ не могъ произойти отъ имени молдавскаго господаря Могила. Кажется, названіе это можно проще всего произвести отъ мѣстнаго слова могила (курганъ), не вдаваясь ни въ какія историческія натянутости. Чрезвычайно бѣдны свѣдѣнія объ этомъ городѣ въ польскихъ источникахъ. Можно видѣть, что въ прежнее время Могилевъ былъ населенъ поляками, армянами, греками, молдаванами и евреями (о коренныхъ жителяхъ — малоруссахъ— даже и не упоминается, вѣроятно, на томъ основаніи, что простолюдинъ, chłop, не считался тогда народомъ). И хоть бы что нибудь о внутренней жизни города! Одно только драгоценное указаніе и нашелъ я въ »Starożytnej Polsce«, именно, что послѣ наводненія отъ разлива Днѣстра 1784 г. иностранные купцы начали оставлять Могилевъ, продавая свои дома евреямъ. Въ нашихъ источникахъ свѣдѣній о городахъ и того менѣе, такъ что, напримѣръ, въ »Энциклопедическомъ словарѣ« Старчевскаго — чисто перепечатка изъ плохихъ учебниковъ

географія. Эта часть вообще у насъ въ жалкомъ состояніи, а путешественниковъ, занимавшихся описаніемъ отечественныхъ городовъ, не было, такъ что мы, не выѣзжая изъ Россіи, можемъ дать удовлетворительный отчетъ о какомъ нибудь Лиллѣ или Штульвейсенбургѣ, а о Могилевѣ-Подольскомъ ничего предложить не въ состояніи. До сихъ поръ свѣдѣнія о разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества можно было почерпнуть только въ изустныхъ разсказахъ армейцевъ, но эти разсказы не знакомили васъ съ внутреннею жизнію городовъ, а ограничивались какими нибудь эпизодами, представлявшими болѣе личныя отношенія разсказчиковъ. Между тѣмъ Могилевъ-Подольскій не лежитъ въ какомъ нибудь забытомъ уголкѣ, куда необходимо ѣхать нарочно, а служитъ пунктомъ, въ которомъ пересѣкаются двѣ почтовыя дороги.

Когда въ ожиданіи парома я остановился въ Атакахъ, на правомъ берегу Днѣстра, мнѣ Могилевъ показался чрезвычайно живописнымъ, тѣмъ болѣе, что высоты, господствующія надъ нимъ, представляютъ восхитительныя декораціи, на зелени которыхъ какъ-то рельефнѣе выдаются и куполы церквей, и прихотливыя крыши строеній, идущихъ въ гору амфитеатромъ. Въ то время Днѣстръ былъ многоводенъ, беспорядокъ на переправѣ ужасный, народу толпилось большое количество, и мнѣ пришлось увидѣть въ полномъ разгарѣ безправіе и своеволіе евреевъ, взимавшихъ за перевозъ плату. Весь атакскій берегъ уставленъ былъ повозками, владѣльцамъ которыхъ предстояло или согласиться на цѣну, назначенную откупщикомъ, или оставаться надъ рѣкой въ бездѣйствіи. Очереди никакой, справедливости тоже, такъ что елибы приказчику не понравилась фізіономія проѣзжаго, послѣдній рисковалъ провести нѣсколько сутокъ на каменистомъ берегу, не находя никакого суда на возмутительные поступки откупщика, завѣдующаго переправой. И это, замѣтьте, на почтовой дорогѣ! А паромы! Но я уже упоминалъ объ этихъ отвратительныхъ ящикахъ, а теперь только остается прибавить, что нельзя не удивляться, какъ въ послѣднее время, когда многое у насъ подвинулось впередъ, пути сообщенія остались у насъ въ такомъ жалкомъ и не всегда безопасномъ положеніи. Паромы на Днѣстрѣ такого свойства, что неприличному человѣку страшно взѣзжать на нихъ, и кромѣ того многіе пришли въ значительную степень ветхости и рѣшительно негодны къ употребленію. Правда особенныхъ катастрофъ я не видѣлъ, хотъ и довольно времени странствовалъ

по берегамъ Днѣстра, но не разъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ паромъ не успѣетъ отвалить, а уже одна сторона его начинаетъ погружаться въ воду. Произойдетъ гамъ, крикъ, посудину притянуть къ берегу, снимутъ нѣсколько повозокъ, и паромъ снова отправляется на ту сторону. Вообще днѣстровскія переправы оставили во мнѣ самое грустное впечатлѣніе, и я больше не хочу говорить о нихъ — не изъ боязни навлечь чье нибудь негодованіе, а изъ печальнаго убѣжденія, что замѣтки мои объ этомъ, утомляя только читателя, не принесутъ никакой пользы проѣзжающему. Корень зла глубоко залегъ въ почву, и, чтобъ его выдернуть, придется ожидать еще немало времени и довольствоваться порядками, существующими на нашихъ почтовыхъ и транспортныхъ дорогахъ. Вѣдь по отчетамъ, хоть бы и у Могилева, значится переправа, стало быть она существуетъ, почту перевозятъ, письменныхъ жалобъ на злоупотребленія нѣтъ — чего же больше! Наконецъ, еслибъ и возникла жалоба, произведутъ слѣдствіе — и дѣло съ концомъ, а остальное все дразги и мелочи, повторяющіяся сплошь и рядомъ на всѣхъ переправахъ. Помню, однажды какъ-то въ разговорѣ я передавалъ одному вліятельному лицу о вопіющихъ безпорядкахъ на Днѣстрѣ и о страданіяхъ простолюдиновъ.

— Это, батюшка, вездѣ, не на одномъ Днѣстрѣ такъ водится, отвѣтило мнѣ вліятельное лицо. — Да изъ чего вы хлопочете? Вѣдь васъ перевезли?

— Перевезли.

— И лишняго не взяли?

— Нѣтъ.

— О чемъ же и толковать!

Я увидѣлъ дѣйствительно, что толковать не о чемъ, и еще грустнѣе сталъ смотрѣть на факты, одинъ другаго возмутительнѣе, въ полной увѣренности, что днѣстровскія переправы надолго останутся *in statu quo* и что никакія въ мірѣ статьи не могутъ способствовать къ ихъ улучшенію.

По въѣздѣ на могилевскій берегъ я съ удвоеннымъ любопытствомъ началъ осматриваться, не желая пропустить никакихъ мелочей и наслышавшись объ этомъ городѣ какъ о торговомъ пунктѣ, въ которомъ сосредоточивается контрабанда для дальнѣйшаго распространенія къ Днѣпру и дальше различными невѣдомыми и вѣдомыми путями. Миновалъ нѣсколько бѣдныхъ домиковъ, окруженныхъ однако же роскошными деревьями, я поворотилъ въ узкую улицу направо и

разомъ почувствовалъ, что ѣду по убійственной мостовой изъ крупнаго плитняка, который, нѣтъ сомнѣнія, положенъ или въ концѣ прошлаго, или въ началѣ нынѣшняго столѣтія. По узкой этой улицѣ, обставленной еврейскими домами, начали показываться вывѣски на польскомъ языкѣ, а изъ лавокъ выбѣгали дѣти съ предложеніями. Но не успѣлъ я доѣхать до угла, откуда начинается собственно гостиный дворъ — если можно такъ назвать кучу разнообразныхъ темныхъ лавокъ — и поворотить за уголъ, на главную улицу, какъ меня окружили евреи и заговорили на языкахъ молдавскомъ, польскомъ и ломано русскомъ. Всѣ, приподнявъ шапки, предлагали *станцію* (комнату); каждый, разумѣется, выхвалялъ свое, вычислялъ всевозможныя удобства.

— У меня станція съ фронта (на улицу), говорилъ небольшой одноглазый факторъ: — и тутъ же всѣ лучшіе sklepy (лавки).

— Не слушайте его, вельможный панъ, подхватывалъ другой: — у него безпокойно. Вотъ наша станція первый сортъ, вчера только выѣхалъ одинъ петербургскій полковникъ.

— У насъ стояли и генералы, молвилъ третій въ кургузомъ пальто: — мы за все беремъ недорого. Поѣзжайте прямо за мною.

— А! вельможный панъ, вѣроятно вы меня не узнали, говорилъ старикъ съ улыбкой: — вы помните, что лучше меня никто не услужить.

И онъ лукаво подмигнулъ глазомъ. Надо сказать, что я въѣзжалъ въ Могилевъ первый разъ въ жизни.

— Нѣтъ ужъ, графъ, отозвался одноглазый: — услуживать, какъ я услуживаю, врядъ ли удастся кому и въ самомъ Каменцѣ.

Въ это время бойкій молодой еврей растолкалъ толпу собратьевъ.

— Пожалуйте, ваше превосходительство, комната для васъ готова, сказалъ онъ: — вы ихъ не слушайте. Всѣ важныя лица останавливаются у насъ и говорятъ, что нигдѣ нѣтъ лучше станціи.

Заѣздные дома были мнѣ знакомы по другимъ городамъ, обычаи факторовъ тоже, и я рѣшился помѣститься въ ближайшемъ. Народа столпилось однако же много, одинъ факторъ схватилъ уже безъ церемоніи дышловыхъ лошадей, готовясь вести на квартиру, что и было бы исполнено, еслибы этого предприимчиваго фактора не остановили другіе,

тоже съ цѣлью овладѣть прїѣзжею жертвою. Я сошелъ съ фургона и направился къ первымъ понавшимся воротамъ. Факторъ въ кургузомъ пальто стоялъ возлѣ меня и низко кланялся.

— Я знаю, ваше превосходительство, что вы остановитесь у насъ. Пожалуйста.

Въ это время послышался голосъ моего ямщика, который ругался довольно крупно и собирался пустить въ дѣло длинный кнутъ, потому что три фактора рѣшительно не пускали фургона, надѣясь еще привлечь меня разными соблазнительными предложеніями. Наконецъ дѣло уладилось, ямщикъ съ усиленіемъ поворотилъ лошадей и въѣхалъ подъ ворота. Но только услужливый факторъ отворилъ мнѣ дверь направо, гдѣ въ просторной комнатѣ молоденькая еврейка подняла ужасную пыль, подметая полъ—какъ меня со всѣхъ сторонъ атаковали іудеи съ товарами, отъ великолѣпныхъ шелковыхъ матерій до стеариновыхъ свѣчъ, съ такимъ гамомъ, о которомъ нельзя составить себѣ понятія, не бывавъ хоть проездомъ въ западныхъ губерніяхъ. Мнѣ оставалось одно средство—прибѣгнуть къ фактору, который тотчасъ же возстановилъ порядокъ, разогналъ толпу и сказалъ, что пану необходимо прежде отдохнуть съ дороги. Евреи угомонились, но увы! на нѣсколько лишь минутъ: они дали время только внести въ комнату мои вещи, и вскорѣ квартира моя снова наполнилась толпою торговцевъ, которые, безъ всякой церемоніи, начали раскладывать свои товары на столѣ, на стульяхъ, на кровати и на полу. Напрасно толковалъ я имъ, что мнѣ ничего не надо, что я усталъ и послѣ, можетъ быть, куплю чтонибудь—голосъ мой походилъ на гласъ вопіющаго въ пустынѣ, и надо было согласиться пересмотрѣть все, чтобы избавить себя отъ продолжительнаго базара.

— Я недолго буду васъ беспокоить, сказалъ одинъ высокій еврей:— я знаю, что у меня купите.

И онъ положилъ передо мною фунтъ чая и фунтовъ пять сахара.

— И у меня тоже, проговорила прїятымъ голосомъ хорошенькая еврейка, подавая мнѣ пачку стеариновыхъ свѣчей и дюжину коробочекъ вѣнскихъ спичекъ.

— Я лучше угадалъ, прошепелявилъ черноглазый парень и сунулъ мнѣ тетрадку почтовой бумаги, гросъ стальныхъ перьевъ и палочку сургуча.

— А я знаю, сказалъ рыжій еврей:— что панъ охотникъ

до хорошаго тютюну, и ткнул мнѣ раскрытую пачку табаку подь названіемъ турецкаго, но въ дѣйствительности выросшаго на близкихъ плантаціяхъ Бессарабіи.

— Прочь! прочь! раздался голосъ фактора:— вотъ цетля (карта) изъ трактира — прежде всего вельможный панъ хочеть пообѣдать.

Я находился въ затруднительномъ положеніи. Правду сказать, необходимость въ закупкѣ разныхъ жизненныхъ припасовъ привела меня преждевременно въ Могилевъ, но я располагалъ сдѣлать это послѣ, удовлетворивъ прежде другой потребности—отдохнуть съ дороги, приведя въ порядокъ свои замѣтки. Я рѣшилъ сказать своимъ посѣтителямъ спичъ и привсталъ со своего мѣста. Говоръ утихъ, и слушатели мои — человекъ до двадцати — остались кто съ развернутой штукой матеріи, кто съ раскрытой бритвой, иной держалъ надъ головой пару ботинокъ, другой готовое пальто, третій чубукъ съ янтаремъ и т. д.

— У всѣхъ васъ товары очень хороши, сказалъ я: — и, можетъ быть, мнѣ кое-что понадобится, но если вы сію же минуту не выйдете и не дождетесь, пока я отдохну и займусь дѣломъ, даю вамъ честное слово—не куплю ни на копѣйку, поѣду въ Каменецъ и тамъ сдѣлаю всѣ запасы.

Евреи переглянулись. Факторъ подтвердилъ мои слова, что произвело на слушателей желанное впечатлѣніе. Перекликнувшись еврейской скороговоркой, торговцы начали собирать свои товары, и скоро квартира моя опустѣла, только передо мною остались чай, сахаръ, свѣчи и спички, неизвѣстно кому принадлежавшіе, но за которые, разумѣется, долженъ я былъ заплатить деньги, тѣмъ болѣе, что во всемъ этомъ чувствовался у меня недостатокъ. Наконецъ меня оставили въ покоѣ, хотя въ сѣняхъ и по улицѣ не умолкалъ говоръ, потому что евреи не теряли надежды сбыть проѣзжему часть своихъ товаровъ. Я положительно приказалъ фактору не пускать никого, пока не напьюсь чая, не приведу въ порядокъ бумагъ и не пообѣдаю. Сдѣлавъ это распоряженіе, я спросилъ, почему же съ меня возьмутъ за квартиру, и какъ я уже не могъ торговаться, то и предложенъ мнѣ былъ ультиматумъ — за комнату въ сутки полтинникъ и каждый самоваръ по гривеннику. Значить, всѣ хлопоты факторовъ и всѣ усилія привлечь проѣзжаго оканчиваются незначительнымъ результатомъ. Во всякомъ случаѣ большинство читателей не знаетъ, что такое факторъ, особенно въ западныхъ

губерніяхъ, въ торговомъ городѣ. Это существо, всегда готовое къ вашимъ услугамъ, нѣчто вродѣ хозяйскаго приказчика, хотя и не связаннаго съ первымъ отношеніями, обыкновенно существующими между этими обоими классами. Когда бы вы ни спросили—онъ готовъ, рѣдко бываетъ, что дожидаетесь нѣсколько минутъ, а по большей части во всякое время дня и ночи онъ является съ улыбкой и ожидаетъ приказанія. Какое ни изобрѣли бы вы порученіе, факторъ выполнить его, знаетъ всю подноготную въ городѣ, даже въ окрестности, расскажетъ чью угодно біографію, передастъ новѣйшія сплетни, все отыщетъ, обдѣлаетъ. Въ большихъ городахъ западныхъ губерній факторы, или мишурисы, составляя обычную прислугу проѣзжаго, котораго увлекаютъ они же на квартиру, не только не получаютъ отъ хозяевъ платы, а напротивъ платятъ нѣсколько рублей въ мѣсяцъ послѣдному за право прислуживать. Иной мишурисъ содержитъ большое семейство, и все это на счетъ проѣзжающихъ. Но, спросите вы, развѣ онъ получаетъ порядочное вознагражденіе за свои хлопоты? Весьма небольшое: злотъ или двугривенный — все, чего можетъ ожидать факторъ. У него коммерція другаго рода. Пошлете вы его купить что нибудь, ужъ онъ получитъ съ торговца извѣстный процентъ, и, чѣмъ больше съ васъ взяли лишку, тѣмъ процентъ этотъ значительнѣе. Ни одинъ купецъ не войдетъ къ вамъ безъ разрѣшенія фактора, разумѣется, не сторговавшись съ нимъ о вознагражденіи, а если бы случилось, что въ отсутствіе мишуриса вамъ что нибудь продали, послѣдній спроситъ васъ, сколько вы заплатили, и пойдетъ потребовать свою долю. Въ трактирѣ, въ кондитерской, у извозчика—однимъ словомъ вездѣ факторъ сумѣетъ извлечь свои выгоды, и если получить отъ васъ не болѣе злота вознагражденія, то лавочники заплатятъ ему втрое—вчетверо. Факторъ, непременно тонкій плутъ, пожалуй, поведетъ васъ, обманывая вмѣстѣ съ торговцами, но ничего у васъ не украдетъ, и вы смѣло можете довѣрить ему какую угодно сумму и бросить всѣ свои вещи на его попеченіе. Съ какимъ живымъ любопытствомъ спрашиваетъ онъ васъ, женаты вы или нѣтъ, и какой радостью блестятъ его глаза при отрицательномъ отвѣтѣ! Онъ подкрадывается къ вамъ на цыпочкахъ, осматривается и, не говоря иной разъ ни слова, дѣлаетъ весьма понятные жесты и гримасы. Услуги послѣдняго рода—главный источникъ дохода для фактора, и онъ мечется какъ угорѣлый. Во первыхъ, проѣзжій дастъ на водку,

независимо отъ обычнаго вознагражденія; во вторыхъ, онъ непремѣнно получить хотъ меньшую часть суммы отъ «погибшаго, но милаго созданья», которое, впрочемъ, никогда не признается ему въ истинной цифрѣ своего гонорара. Въ этомъ отношеніи, т. е. въ посредничествѣ между проѣзжими и прекраснымъ поломъ, факторъ дѣйствуетъ не только съ необыкновеннымъ рвеніемъ, но иногда очертя голову и рискуя своей спиной и физиономіей. Одинъ мой знакомый въ Житомирѣ, желая отдѣлаться отъ назойливыхъ въ этомъ родѣ предложеній фактора, отказался отъ всѣхъ доступныхъ красавицъ и, шутя, сказалъ ему, что знаетъ одну только дѣвушку, которая ему понравилась, и наименовалъ ее. Мишурисъ пожалъ плечами и скрылся. Я сидѣлъ у знакомаго долго, и какъ мы оба были заняты и шутку съ мишурисомъ считали поконченной, то и разошлись, позабывъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Что же? На другое утро къ моему знакомому вошла молодая еврейка въ слезахъ и отрекомендовалась женой Лейбы, мишуриса. Она передала, что мужъ ея, избитый, весь въ синякахъ, едва доползъ до дому и лежитъ въ безнадежномъ положеніи. Тотъ сначала не понялъ—въ чемъ дѣло, но еврейка объяснила, что Лейба ходилъ по его порученію, вслѣдствіе котораго и былъ принятъ не весьма деликатно въ оскорбленномъ семействѣ.

Есть факторы, исполняющіе обязанность свахъ, которые, узнавъ, что проѣзжій холостъ, предлагаютъ невѣсть, высчитывая приданое, а иные даже пользуются новѣйшими изобрѣтеніями. Такъ, въ Каменецъ-Подольскѣ одинъ факторъ, хваляя мнѣ невѣсть, показывалъ двѣ или три фотографіи. Визитныя карточки есть у нихъ, впрочемъ, и не отъ однихъ невѣсть, для большаго удобства, и мишурисъ раскладываетъ ихъ передъ проѣзжимъ, предоставляя выборъ личному вкусу. Могилевскій мой факторъ, какъ житель уѣзднаго города, не дошелъ еще до фотографіи, но рекомендовалъ себя мастеромъ своего дѣла и, между прочимъ, сообщилъ, что знаетъ двухъ невѣсть, изъ которыхъ одна, по его словамъ, молдаванка, такая богатая и красавица, что не стыдно на ней жениться полковнику и даже генералу. Кромѣ жажды корысти онъ былъ и любопытенъ до крайности. Увидя, что я вынулъ два портфеля и, разложивъ бумаги, началъ собирать свои разсѣянные на клочкахъ замѣтки, мишурисъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ и началъ ходить на цыпочкахъ. Я выславъ однако-жъ его изъ комнаты, желая заняться работой,

что мишурисъ исполнилъ неохотно. Черезъ четверть часа онъ снова вошелъ ко мнѣ подъ предлогомъ—не нужно ли подбросить углей въ самоваръ, и, подувъ немного въ трубу, началъ переминаясь съ ноги на ногу.

— Что тебѣ нужно? спросилъ я.

— Извините, теперь у насъ полиція строго приказываетъ спрашивать подорожную.

— Ты бы давно сказалъ это и не мѣшалъ мнѣ: видишь, я занятъ. Вотъ подорожная.

Схвативъ бумагу, мишурисъ опрометью выбѣжалъ изъ комнаты. Я въ это время случайно выглянулъ въ окно на улицу и увидѣлъ фактора, окруженнаго толпой евреевъ, которые читали мою подорожную и дѣлали какіе-то жесты руками поверхъ головы въ воздухѣ. Подорожная моя нетолько въ западныхъ, но и въ другихъ губерніяхъ ставила въ тупикъ даже чиновниковъ по отсутствію у меня чина и давала разнообразную пищу толкамъ и предположеніямъ. Не понимая смысла моей командировки, многіе видѣли во мнѣ значительное лицо, посланное съ таинственной цѣлью, и это обстоятельство иногда служило поводомъ забавныхъ *qui pro quo*, доставлявшихъ мнѣ подъ часъ развлеченіе. Могилевскіе евреи однако же рѣшили, какъ я узналъ впослѣдствіи, что я преслѣдую контрабанду — мнѣніе, служившее мнѣ на нѣкоторое время спасеніемъ отъ натиска торговцевъ, и изъ нихъ являлись только тѣ, у кого были товары съ пломбами. Но впослѣдствіи, когда я объяснилъ желавшимъ цѣль своей поѣздки по Днѣстру и началъ собирать свѣдѣнія о судоходствѣ и рыболовствѣ, ко мнѣ уже стали являться настоящіе пропагандисты контрабанды и надѣдали своими предложеніями. Мнѣ не было возможности заниматься на квартирѣ иначе, какъ ночью, и я рѣшилъ весь день проводить внѣ своего жилища.

Могилевъ, какъ я уже сказалъ выше, оригиналенъ по своимъ постройкамъ, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время много уже утратилъ изъ своей оригинальности. Въ 1859 г., передъ проѣздомъ государя, мѣстныя власти, желая показать городъ въ полномъ блескѣ, рѣшились для единообразія обрѣзать выступы кровель на главныхъ улицахъ и, разумѣется, привели въ дѣйствіе это милое постановленіе. Улицы дѣйствительно сдѣлались вверху немного шире, но исчезло оригинальное сочетаніе ломаныхъ линий, и дома, и лавки сдѣлались похожи на головы, обстриженные невѣжественною рукою безъ всякаго соображенія. Центръ города, за исключеніемъ стариннаго

дома Потоцкихъ на площади, занять лавками и лавчонками, въ которыхъ копошатся цѣлыя семейства евреевъ и выскакиваютъ осаждаютъ васъ толпами при первомъ появленіи. Желаніе продать хоть что нибудь до того овладѣваетъ торговцами, что они теряютъ всякое соображеніе, и, хоть это не чуждо и русскому торгашу, однако, послѣдній, зазывая васъ и даже хватая за полу у лавки, не побѣжитъ за вами черезъ улицу. Въ первый день пріѣзда въ Могилевъ, подъ вечеръ, я отправился въ сопровожденіи фактора къ берегу, гдѣ стояли галеры, и проходилъ мимо лавокъ. У площади на меня устремилась цѣлая стая евреевъ и евреекъ, изъ которыхъ послѣднія показывали мнѣ глиняную посуду и предлагали купить за сходную цѣну. Нецеремонность ихъ въ этомъ случаѣ доходила до того, что одинъ картузникъ, подскочивъ ко мнѣ, снялъ съ меня шапку и надѣлъ новую.

— Это что значить? спросилъ я.

— Посмотрите, какіе вы красивые въ этой шапкѣ: теперь всѣ паненки будутъ на васъ засматриваться.

Обижаться и сердиться за подобныя вещи было бы смѣшно, заявлять свое какое-то величіе было бы нелѣпо—и я только смѣялся надъ продѣлками, обращая все въ шутку и продолжая свою дорогу. Одинъ еврей несъ за мною до самаго берега ящикъ сигаръ, по его словамъ настоящихъ гаванскихъ, но въ дѣйствительности плохихъ нѣмецкихъ, и не успокоился до тѣхъ поръ, пока я не взялъ одну попробовать и не заплатилъ ему злотъ за штуку, которая не стоила и трехъ копѣекъ. Рыжеватый разносчикъ съ ваксой не отставалъ отъ меня и на берегу, уступая товаръ за баснословно дешевую цѣну, и принудилъ меня дать ему вычистить хоть одинъ сапогъ, который долженъ былъ «блестѣть какъ зеркало». Я позволилъ. Точно, правый сапогъ блестѣлъ словно стекло, а лѣвый послѣ грязной дороги находился въ весьма некрасивомъ состояніи. Не желая щеголять въ разнохарактерной обуви, я долженъ былъ купить ваксу, и тогда только разносчикъ вычистилъ мнѣ лѣвый сапогъ, не требуя ничего за труды, но сообщивъ, однако, что у него большое семейство. Три копѣйки лишнихъ пріобрѣли мнѣ усерднаго поклонника въ томъ смыслѣ, что при встрѣчѣ со мною продавецъ ваксы отвѣшивалъ мнѣ низкіе поклоны, причемъ молча указывалъ на коробку съ товаромъ, конечно, такъ, для успокоенія совѣсти и на всякій случай. Усердіе его ко мнѣ впослѣдствіи развилось до того, что онъ, казалось, выжидалъ моего появленія съ цѣлью предло-

жить какія нибудь услуги. Однажды на концѣ города я осмот- рѣлся, что позабылъ папирсы, и, встрѣтивъ продавца ваксы, пожаловался на свою невзгоду. Онъ, не говоря ни слова, пу- стился бѣжать во всѣ лопатки, принесъ мнѣ на гору портси- гаръ, весь запыхавшись, и, между прочимъ, привелъ своего пріятеля-табачника. Послѣдній вынулъ изъ кармана и подаль мнѣ пробу табаку и просилъ зайти къ нему на фабрику, а не къ другому фабриканту, у котораго и табакъ дурень, и цѣна очень дорога.

Еврей западныхъ губерній, удерживая типъ общій всѣмъ своимъ единовѣрцамъ въ Малороссіи и Новороссіи, сохраняя тѣ же нравы и обычаи, имѣеть свои особенности и отличается необыкновенной изобрѣтательностью въ пріисканіи источни- ковъ для своихъ выгодъ. И въ первомъ городкѣ Херсонской или Полтавской губерній еврей, пожалуй, за деньги исполнить всѣ ваши порученія, будетъ такъ же низко кланяться и т. п., но еврей, напр., подольскій умѣеть опутать васъ предупреди- тельностью, наружнымъ участіемъ къ вашимъ интересамъ, какимъ-то хитро высказаннымъ самоотверженіемъ и, подъ часъ унижаясь, подъ часъ пошучивая, кончитъ тѣмъ, что выма- нить отъ васъ злотъ, другой барыша и совершенно доволенъ. При большой конкуренціи онъ готовъ уступить даже за свою цѣну, только бы пріобрѣсть въ васъ покупателя, разумѣется, съ надеждой вознаградить себя за умышленный убытокъ. Я уже не говорю, что подольскій еврей гораздо лучше и чело- вѣчнѣе бессарабскаго, хотя живетъ черезъ рѣку отъ послѣд- няго и имѣеть съ нимъ непрерывныя сношенія. Не знаю, но мнѣ кажется, что цивилизація коснется бессарабскаго еврея уже позднѣе всѣхъ его единовѣрцевъ, потому что онъ фана- тичнѣе, невѣжественнѣе прочихъ и звѣремъ смотритъ на еврея же, поддавашагося какому нибудь нововведенію.

Заговоривъ объ этомъ племени, я не могу не вспомнить съ признательностью и благодарностью образованнаго еврей- скаго семейства Р... въ Могилевѣ-Подольскомъ. Я не погрѣшу нисколько, сказавъ, что Р... одинъ изъ просвѣщенныхъ людей нашего времени. Занимаясь коммерціей, а больше сельскимъ хозяйствомъ, онъ не пропускаетъ ни одного замѣчательнаго со- чиненія на нѣсколькихъ извѣстныхъ ему языкахъ и на все смотритъ съ разумной и современной точки зрѣнія. У него множество нѣмецкихъ книгъ, но вы найдете и русскія, поль- скія, французскія по всѣмъ отраслямъ, такъ что я былъ пріятно изумленъ, познакомясь съ его бібліотекой, нежи-

давно представившей такое важное подспорье путешественнику. Сойдясь довольно близко съ этимъ семействомъ, сперва съ цѣлью получить отъ Р... необходимыя свѣдѣнія о торговлѣ, а потомъ привлекаемый искреннимъ радушіемъ, я всѣ вечера проводилъ въ этомъ гостепріимномъ домѣ, гдѣ, между прочимъ, слушалъ съ удовольствіемъ звуки Эрара. Дѣти у Р... все дочери, и надо видѣть, какъ мать, весьма умная и развитая женщина, заботится о воспитаніи меньшихъ дѣвочекъ. Не знаю, гдѣ старшія получили образованіе, но одна изъ нихъ, Дебора, постоянно занимается музыкой, а Бела все время посвящаетъ чтенію. Дѣвушка эта перечитала все, что есть хорошаго въ русской литературѣ. Въ этомъ семействѣ я рѣшительно забывалъ, что находился между евреями. Я не хочу сказать, что питаю къ этому народу какое нибудь племенное предубѣжденіе, но, встрѣчая въ евреяхъ отдѣльно прекрасныя личности, я не видалъ еще до тѣхъ поръ цѣлой семьи, которая такъ основательно была бы образована, такъ разумно понимала человѣческія обязанности и такъ ярко выдѣлялась среди невѣжественной массы не богатствомъ и наружнымъ блескомъ, но внутреннимъ содержаніемъ. И между тѣмъ, несмотря на видимое превосходство, на образъ жизни Р..., чисто европейскій, и отступленіе отъ нѣкоторыхъ мелочей, вошедшихъ въ обычаи его единовѣрцевъ — прочіе евреи нетолько не бранятъ его, а напротивъ говорятъ о немъ, какъ о гуманномъ человѣкѣ. Конечно, все это семейство ведетъ себя съ необыкновеннымъ тактомъ относительно своихъ и никогда не отказываетъ бѣднымъ въ помощи. Привыкнувъ посѣщать Р... ежедневно, я пришелъ и вечеромъ наканунѣ субботы. По обычаю я попросилъ Дебору сыграть что нибудь; она улыбнулась и, противъ обыкновенія, отказала.

— Что же, вы не расположены или капризничаете, чтобы просили усерднѣе? спросилъ я.

— Ни то, ни другое, но завтра суббота. Посмотрите въ окно—сколько вокругъ евреевъ. Они никогда не простили бы намъ такого явнаго пренебреженія, да я никогда и сама не позволю себѣ оскорбить ихъ.

— Виновать, виновать, я совсѣмъ позабылъ.

— Въ другой разъ я, пожалуй, цѣлый день не отойду отъ фортепіано.

— А, казалось бы, что можетъ быть невиннѣе музыки.

— Масса вездѣ одинакова, сказала Бела: — въ Англіи, которая можетъ гордиться терпимостью и цивилизаціей, въ

воскресенье запрещены же всѣ общественныя удовольствія. Въ Одессѣ еще можно жить какъ хочется, а въ нашемъ городкѣ, для собственнаго спокойствія, необходимо сообразоваться съ мѣстными обычаями.

Могилевская торговля, дѣйствительная цифра которой остается тайной, замѣчательна уже потому, что здѣсь нѣсколько человекъ занимается отпускомъ хлѣба въ Одессу и дѣятельностью своею даетъ движеніе промышленности въ окрестностяхъ по обѣимъ сторонамъ Днѣстра. Много значить для края пунктъ, въ которомъ всегда можно найти необходимую сумму денегъ, и потому Могилевъ служитъ мѣстомъ, куда землевладѣлецъ спѣшитъ доставить свои продукты въ полной увѣренности сбыть ихъ, а порою и получить нужную сумму впередъ, задолго еще до сбора жатвы. Отпускная здѣшняя торговля, по мнѣнію специалистовъ, не получаетъ большаго развитія собственно по неудобству днѣстровскаго судоходства, на которое, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не обращалось ни малѣйшаго вниманія. Я уже упоминалъ о препятствіяхъ, существующихъ на Днѣстрѣ, которыя, конечно, могли бы быть устранены, если бы предприимчивость нашихъ капиталистовъ, имѣя въ виду общественныя выгоды, стремилась хоть сколько нибудь споспѣшествовать и общественной пользѣ. Ближе всего позаботиться объ этомъ было бы черно-морскому »Обществу пароходства и торговли«, и оно, повидимому, какъ бы и сознало необходимость инициативы въ дѣлѣ, хоть и требующемъ затраты капитала, но обѣщающемъ несомнѣнныя значительныя выгоды. Съ этою цѣлью одинъ изъ директоровъ проѣхался по Днѣстру, дѣлалъ промѣры и собиралъ статистическія свѣдѣнія. Въ чемъ заключались послѣднія — не знаю, въ истинность ихъ плохо вѣрю изъ опыта, тѣмъ болѣе, что наскоро, мимоѣздомъ и собрать-то ничего невозможно; но во всякомъ случаѣ »Общество пароходства и торговли« должно же было убѣдиться въ необходимости овладѣть важнымъ и единственнымъ воднымъ путемъ, соприкасающимся съ плодородными и лѣсообильными провинціями. Но дѣло такъ и оставалось; по крайней мѣрѣ въ 1860 г. дѣятельность общества ограничивалась только переправой между Овидіополемъ и Аккерманомъ, учрежденной еще, впрочемъ, при покойномъ князѣ Воронцовѣ. Допотопныя галеры ходили и, вѣроятно, ходятъ и теперь попрежнему, опасныя мели существуютъ на тѣхъ же мѣстахъ, и судоходство находится въ томъ же положеніи, въ какомъ было въ прошломъ столѣтіи, если исклю-

читать маленькое улучшение въ судостроеніи, именно нѣсколько одномачтовыхъ судовъ, не знаю почему именуемыхъ плашко-тами; но, несмотря на это, большіе грузы хлѣба и лѣса идутъ по Днѣстру, и на могилевской пристани видны десятки галеръ, ожидающихъ удобнаго времени къ дальнѣйшей от-правкѣ въ м. Маяки. Привозный лѣсъ, преимущественно сплавляемый изъ Австріи, валяется по берегу безъ всякаго порядка, и только по временамъ пильщики оживляютъ при-стань, оглашая ее пѣснями подъ дрожащій визгъ пилы, вы-рѣзывающей тонкія доски. Разумѣется, и этимъ промысломъ занимаются евреи, нигдѣ и никогда неупускающіе своей вы-годы. А какое важное вліяніе оказало бы на край улучше-ніе судоходства! При устройствѣ правильныхъ рейсовъ по Днѣстру землевладѣльцамъ Подоліи и Бессарабіи не было бы необходимости мучить рабочій скотъ и доставлять продукты сухопутью въ Одессу, что при состояніи у насъ дорогъ вообще, а въ Бессарабіи въ особенности, задерживаетъ раз-витіе земледѣлія въ той степени, въ какой могло бы оно быть при другихъ условіяхъ. Бессарабія, прилегающая къ Днѣстру и вся сѣверная, пересѣчена гористой мѣстностью и съ такими крупными спусками и подъемами, что иной разъ трудно ѣхать и безъ всякой клади. Невозможно равнодушно смотрѣть на транспорты, нагруженные хлѣбомъ: мученія несчастныхъ животныхъ при варварскомъ обращеніи съ ними руснаковъ и молдаванъ переворачиваютъ вамъ душу, и вы спѣшите по-скорѣе удалиться отъ возмутительнаго зрѣлища. Съ улучше-ніемъ днѣстровскаго судоходства тысячи подводъ не имѣли бы надобности отправляться за нѣсколько сотъ верстъ и ра-бочій скотъ остался бы неизнуреннымъ, а крестьяне занима-лись бы болѣе производительнымъ занятіемъ. Да и мало ли выигрываетъ край отъ улучшенія путей сообщенія? Это та-кой предметъ, о которомъ и говорить нечего. Теперь же пла-ваніе галеръ по Днѣстру сопряжено съ рискомъ, и если мы не знаемъ—сколько бываетъ крушеній, то собственно потому, что мы ничего не знаемъ, что дѣлается внутри Россіи, по своей постоянной любви къ молчанію. Бываютъ, напри-мѣръ, и такія исторіи, что зерновой хлѣбъ прорастаетъ на галерѣ, если это неуклюжее судно задержится въ пути, а задержаться ему нетрудно по причинѣ мелей на извилистомъ фарватерѣ и, наконецъ, по случаю противныхъ вѣтровъ, которые, повиди-мому, хотя и не весьма должны бы мѣшать судну безъ мачтъ, однако прибываютъ не туда, куда слѣдуетъ, а управлять ящи-

комъ посредствомъ жалкихъ потесей — рѣшительно невозможно. Ходили, говорятъ, особаго устройства галеры — мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось ихъ видѣть, — приспособленныя къ мелководью, но опытъ, увѣнчавшійся успѣхомъ, почему-то приостановился. Галеры эти устройствомъ и величиной такія же, какъ и обыкновенныя, съ тою только разницею, что бока у нихъ гуттаперчевые — слѣдовательно подобное судно можетъ выдерживать больше груза при одинаковой ватерлиніи съ обыкновеннымъ.

Мѣстная могилевская торговля не можетъ назваться обширной, хотя предприимчивые евреи шныряютъ далеко за предѣлы губерніи. Конечно, въ лавкахъ есть все, что нужно даже для комфортабельнаго образа жизни, но жители Могилевскаго уѣзда и сосѣдніе бессарабскіе не могли бы поддерживать значительнаго количества торговцевъ, еслибы послѣдніе — безъ сомнѣнія не всѣ — не занимались выгоднымъ сбытомъ контрабандныхъ товаровъ, особенно чая, расходящагося отсюда на далекое пространство въ Малороссію и Новороссію. Что чая здѣсь много и что онъ легко доставляется, я могъ судить по цѣнамъ сравнительно съ хотинскими: въ Могилевѣ переплачивалъ я на фунтѣ какой нибудь пятиалтынный. Шелковыя матеріи, сукно, холсты, кружева безъ пломбы здѣсь уже не въ такомъ количествѣ, какъ на границѣ, но вы легко можете ихъ достать не слишкомъ дорого.

Вотъ еще одна особенность Могилева: въ улицахъ или, скорѣе, кривыхъ переулкахъ, прилегающихъ къ горѣ, нѣсколько еврейскихъ семействъ занимается свиваніемъ желтыхъ бумажныхъ фитилей, употребляемыхъ на дорожныя огнива. Фитили эти очень плохаго качества, но приготавливаются въ большомъ количествѣ и стоятъ баснословно дешево, если вы умѣете торговаться, а если не знаете толка — вамъ продадутъ ихъ подъ видомъ заграничныхъ. Ремесленники перепутываютъ переулочъ своими нитями, безъ церемоніи загораживая дорогу, причемъ непрерывно перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто, сердятся, бранятся и выругаютъ, пожалуй, и васъ, если вы неосторожно зацѣпите хитросплетенную основу. Сначала меня удивляла подобная отрасль промышленности; мнѣ казалось нераціональнымъ приготовленіе съ избыткомъ такого издѣлія, запросъ на которое по всему долженъ быть въ десять разъ менѣе предложенія. Но ближайшее знакомство съ дѣломъ убѣдило меня еще разъ, что еврей въ промышленномъ отношеніи не сдѣлаетъ ни шага даромъ и не примется за работу, отъ

которой не видитъ пользы. Могилевскіе купцы, развѣзжающіе по ярмаркамъ какъ мѣстнымъ, изобилующимъ въ западныхъ губерніяхъ такъ и отдаленнымъ, везутъ громадное количество фитилей, продавая ихъ за иностранные. Объяснилъ мнѣ это одинъ фабрикантъ, у котораго я купилъ три аршина его издѣлія. Этотъ фабрикантъ поправился мнѣ по своему открытому виду и по веселой пѣсенкѣ, которую постоянно тянулъ онъ, скручивая бумажныя нитки. Занимался онъ дѣломъ возлѣ маленькой деревянной лачужки вродѣ курятника, окруженный своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ полдюжины грязныхъ ребятишекъ, малъ-мала меньше, изъ которыхъ старшему едва было лѣтъ восемь, но этотъ ребенокъ—черноглазый мальчишка—служилъ ему за подмастерья. Обходя дальнія улицы, я забрелъ какъ-то въ фабричный уголокъ и, пробравшись благополучно сквозь лабиринтъ разставленныхъ сѣтей, рѣшилъ на другой же день изслѣдовать это дѣло. Посѣщеніе свое я пригналъ какъ разъ подъ вечеръ, когда все поселеніе лачужекъ повыползало на прохладу и предавалось своимъ занятіямъ. Веселый еврей распѣвалъ свою пѣсенку и по временамъ покрикивалъ на сынишку не угрожающимъ голосомъ, а весело соединяя шутку съ одобреніемъ, на что черноглазый мальчуганъ отвѣчалъ тоже шутливо и исполнялъ приказанія, выбрыкивая. Тутъ же вертѣлся молодой козленокъ и, помахивая куцымъ хвостикомъ, подражалъ прыжкамъ бойкаго мальчика. Я прямо подошелъ къ фитильщику и поздоровался.

— Можетъ быть пану нужно фитилей? спросилъ онъ по польски: — у меня есть самыя лучшіе.

— Прежде я хотѣлъ бы отдохнуть, а потомъ куплю и фитилей.

— Хаимъ! вынеси пану скамейку! Садитесь.

Хаимъ въ ту же минуту вынесъ кривобокую скамеечку, которую фитильщикъ вытеръ ладонью и поставилъ на кучѣ сора—необходимой принадлежности еврейскаго жилища. Сосѣдніе фабриканты и ихъ семейства устремили на меня взоры, а малые ребятишки подошли поближе. Послѣдовали разспросы: »кто вы?« »откуда?« на которые отвѣчалъ я, приспособляясь по возможности къ понятіямъ своимъ слушателей. Закуривъ папиросу, я предложилъ табаку и фабриканту, а онъ высѣкъ огня, для показанія доброкачества своего товара, и поднесъ фитиль къ самому моему носу.

— Каково горить? а? спросилъ онъ.

— Отлично.

— Повѣрьте, что за границей лучше не сдѣлаютъ.

Очевидно, что собесѣдникъ мой прежде всего хотѣлъ сбыть нѣсколько аршинъ товара и что, не удовлетворивъ затрону- таго интереса, мнѣ нельзя было ожидать никакихъ свѣдѣній, а потому я приступилъ къ покупкѣ трехъ аршинъ фитиля, за которые, разумѣется, запросили съ меня втрое и послѣ уступили весьма дешево. Въ то время, какъ у насъ происхо- дилъ торгъ, нѣсколько евреевъ нанесло кучу фитилей, и каж- дый выхвалялъ достоинство своего товара. Веселый фабри- кантъ на своемъ языкѣ доказывалъ собратамъ неумѣстность ихъ предложеній и торжественно положилъ въ карманъ 15 коп., отмѣривъ мнѣ на какую-то палочку три аршина своего издѣ- лія. У меня случилось съ собою нѣсколько мѣдныхъ денегъ, которыя раздарилъ я ребятишкамъ, и надо было видѣть вос- торгъ, съ какимъ подпрыгивала эта мелюзга и оглашала воздухъ радостными криками. Приостановивъ свое занятіе, фабрикантъ присѣлъ отдохнуть и побалагурить со мною.

— Кто же у васъ покупаетъ фитиль? спросилъ я:—вѣдь городъ небогатый, пріѣзжихъ мало, а столько рукъ заняты этимъ дѣломъ.

— Еслибы работать только для города, мы сидѣли бы безъ куска хлѣба: нашъ фитиль идетъ по ярмаркамъ.

— Да вѣдь на ярмаркахъ продаютъ все заграничный. Еврей засмѣялся.

— А почему вы узнаете заграничный? сказалъ онъ.

— Значить надуваютъ?

— Чѣмъ же надуваютъ? Фитиль горитъ хорошо, мате- ріаль отличный, дѣлаемъ какъ слѣдуетъ.

— Но берете очень дорого.

— Надо торговаться. Вѣдь вамъ добыть огня все равно — будетъ ли фитиль здѣшній или нѣмецкій?

— Конечно, все равно.

— Вотъ дѣло другое, если сучать дурно. Напримѣръ, хо- тинскіе евреи приготавливаютъ—просто изъ рукъ вонъ. А мо- гилевскій фитиль первый сортъ.

И фабрикантъ, безъ всякой надобности, началъ высѣкать огонь.

— Значить на ярмаркахъ рѣдко попадается заграничный?

— Врядъ ли и найдете: одинъ Могилевъ приготавливаетъ сотни пудовъ, даже возятъ въ Одессу.

— Ну, я думаю, туда не слишкомъ надо.

— Помилуйте, я недавно продалъ въ Одессу на сто злотыхъ. Вѣдь паны только требуютъ заграничнаго, а почему они знаютъ, гдѣ что выдѣлывается.

— Выходить, все надувательство!

— Эхъ, вельможный панъ, да чѣмъ же бѣдный человѣкъ кормилъ бы семью, платилъ подати?

— И вы не имѣете другаго занятія?

— Какъ не имѣю! Я зимою дѣлаю шмуклерскія вещи, и если вамъ угодно шнурка, аграманта, пуговицы, у меня есть самыя лучшіе.

— Значить и фитиль выгоденъ?

— А какъ же! За другой работой я долженъ жечь свѣчу, портить глаза, да шмуклерскія вещи и сбывать труднѣе.

— А давно вы занимаетесь сученьемъ фитиля?

— Лѣтъ около десятка, если не больше.

— Кто же вамъ подалъ мысль?

— А вотъ видите, какъ это было: двоюродный братъ моего сосѣда извозничалъ, ѣздилъ по всѣмъ ярмаркамъ и замѣтилъ, какъ хотинскіе евреи начали наживать деньгу, торгуя собственными фитилями подъ видомъ заграничныхъ. Возвратившись откуда-то, онъ и говоритъ брату: »попробуй-ка посучить фитилей для огнивъ, я видѣлъ, какъ на этомъ добрѣ наживаютъ копѣйку: ты же шмуклеръ, и тебѣ не стать учиться«. Тотъ послушался, развѣдалъ, какъ приготавливаютъ бумагу, и началъ. Точно, дѣло очень прибыльное, только много уже явилось работниковъ, и теперь, какъ видите, скоро заснуютъ весь городъ.

Но еврей не вздохнулъ при этомъ, не пожаловался на конкуренцію, а залился добродушнымъ смѣхомъ, избличавшимъ кротость натуры, рѣдкой, по крайней мѣрѣ для меня, въ мірѣ плутней и мелкаго торгашества.

— У тебя, кажется, много дѣтей?

— Семерка, и, посмотрите, какіе шалуны! Старшій въ школу ходитъ.

— А довольно ли ты зарабатываешь?

— »Часомъ съ квасомъ, порою съ водою«, отвѣтилъ онъ мнѣ извѣстной пословицей. — Меня еще выручаетъ жена: она торгуетъ на рынкѣ. Жизнь-то наша, конечно, бѣдовая, цѣлую недѣлю пробавляемся лукомъ да хлѣбомъ, и только для субботы купишь гуся или рыбы. Ну, да мы привыкли.

Я потомъ заходилъ не разъ къ добряку-фитильщику и всегда заставлялъ его за работой съ тѣмъ же безопаснымъ ви-

домъ, съ тою же неизмѣнно веселой пѣсенкой, которую напѣвалъ онъ съ особенною любовью.

Могилевскій базаръ, т. е. мѣсто, гдѣ продаются съѣстные припасы и фрукты, занимаетъ довольно порядочное мѣсто близъ гостинаго двора и даетъ о себѣ знать издалека по пискливому говору и крикамъ торговокъ, которые, словно заведенныя машины, или зазываютъ покупателей, или ругаются между собой. Момента тишины здѣсь не бываетъ отъ зари до зари, и, въ какую пору дня ни выходилъ я на базаръ, непремѣнно наталкивался на сцены самаго разнообразнаго содержанія. Руганя могилевскихъ торговокъ представляла для меня нѣкоторый интересъ, не взирая на то, что много я видывалъ малорусскихъ базаровъ и до тѣхъ поръ полагалъ, что краснорѣчивѣе нѣжинскихъ или черниговскихъ торговокъ нельзя найти гдѣ бы то ни было. Посѣщая потомъ базары кievскій, херсонскій, николаевскій и одесскій, я убѣдился, что тамошнія торговки только подражаніе черниговскимъ и нѣжинскимъ, а могилевскія оказались такими специалистками, о которыхъ нельзя составить себѣ понятія. Въ Новороссіи, особенно южной, при наплывѣ сотенъ тысячъ рабочихъ, которые все время проводятъ на базарахъ, казалось бы, и торговки должны быть бойчѣе прочихъ. Конечно, ростовскія, николаевскія и херсонскія торговки не робкаго десятка и даже по преимуществу весьма легкаго поведенія, но онѣ за недосугомъ ли, по другой ли какой причинѣ не выработали той щекотливой обидчивости, которая присуща могилевскимъ, и при руганнѣ довольствуются болѣе мужскими фразами, разумѣется, очень рѣзкими, но непредставляющими ничего необыкновеннаго. Могилевскія торговки могутъ въ этомъ случаѣ служить образцомъ краснорѣчія и базарнаго этикета, и если не допускаютъ мужской ругани, то фраза ихъ изобрѣтенія гораздо сильнѣе отрывистой извозчичьей, а жестикуляція прибѣгаетъ къ такимъ приемамъ, о которыхъ даже неудобно говорить въ печати, но что придаетъ особенный характеръ и колоритъ базарнымъ сценамъ, совершающимся ежедневно. Самыя обыкновенныя бесѣды могилевскихъ торговокъ походятъ на ссору, въ особенности, если собесѣдницы сидятъ на большомъ другъ отъ друга разстояніи, а если въ разговоръ вмѣшиваются другія, тогда рѣшительно не поймешь — о чемъ у нихъ идетъ дѣло. Съ перваго же дня пріѣзда въ Могилевъ я обратилъ вниманіе на это сословіе, которое постепенно раскрывало передо мною свои оригинальныя стороны и каждый разъ,

когда я бывалъ на базарѣ, угощало меня какими нибудь интересными сценами. Я замѣтилъ однако же, что, хотя при народѣ онѣ и ссорятся, переманивая покупателя, причемъ, разумѣется, не щадятъ другъ друга, припоминая всѣ старые грѣхи и перебирая родословную, однако, это дѣлается безъ гнѣва, по привычкѣ, просто изъ любви къ искусству. Но когда выберется глухая пора и нѣтъ посѣтителей, тогда-то поднимаются не только настоящія ссоры, а всплываютъ наверхъ и давно поконченныя неудовольствія. Тутъ-то истощается все краснорѣчіе, льется разнообразная ругань и происходятъ циническія сцены, оканчивающіяся рукопашнымъ боемъ съ полетомъ въ воздухъ чепцовъ, пока нейтральныя зрительницы не примутъ мѣръ къ примиренію. Мнѣ случилось видѣть двѣ или три ссоры, возникшія изъ пустяковъ и принявшія довольно значительные размѣры. Былъ жаркій лѣтній полдень. Возвращаясь изъ дальней прогулки за городъ, я шелъ на базаръ съ цѣлью купить плодовъ, тѣмъ болѣе, что это мнѣ приходилось по дорогѣ. На базарѣ ни души постороннихъ. Торговки сидѣли — кто подъ импровизированнымъ навѣсомъ изъ какой нибудь тряпки, кто подъ порожней корзиной, а кто прямо подъ жгучими лучами солнца, двѣ или три изъ нихъ дремали, а остальные перекидывались громкими визгливыми фразами. Рѣзкіе эти крики не рѣдкость на базарахъ, и я не обратилъ бы на нихъ вниманія, но меня поразила одна фраза, проговоренная нѣсколько разъ съ какимъ-то особенно ядовитымъ выраженіемъ. Остановясь въ тѣни подъ лавками, я началъ присматриваться и прислушиваться.

— Такъ ты готова присягнуть, что я »скакала въ гречку«^{*)} говорила одна дородная торговка съ раскраснѣвшимся лицомъ и толстыми голыми по локоть руками, сидѣвшая надъ лоткомъ жареной рыбы.

— И ты, и твоя сестра »скакали въ гречку«, отвѣтила другая торговка, не менѣе дородная, но въ высшей степени неопрятная, повязанная тряпичей и продававшая яблоки.

— И ты присягнешь?

— И присягну. Эка штука! Развѣ грѣхъ присягнуть, если что видишь собственными глазами.

— А чтобъ тебѣ повылазили твои поганые глаза, чтобъ зрачки твои полопались на тысячу кусковъ, чтобъ ихъ выклевали вороны на шибеницѣ (висѣлицѣ).

^{*)} »Скакать въ гречку« — измѣнять супружеской вѣрности.

— И не повылазять, и зрачки не полопаются, и не буду я на шибеницѣ. А тебя на томъ свѣтѣ повѣсятъ на желѣзномъ крюкѣ — вотъ что!

— Смотрите, добрые люди! И этакая тварь не провалится сквозь землю, не подавится. Пусть бы уже лгала она на меня, зачѣмъ она трогаетъ сестру!

— И ты, и твоя сестра »обое рябде« (обѣ одинаковы)! Молчала бы, не ругалась.

— А ты докажешь? А? докажешь? Пойдемъ судиться!

— Стоить судиться!

— Нѣтъ, пойдемъ, говорила продавица рыбы:—тебя выскуютъ, и еще мнѣ безчестье заплатишь. Вотъ и свидѣтели.

— Кто, я заплачу тебѣ безчестье? А чтобъ ты не дождала, погань смердячая!

— Сдеру, сколько сама знаю.

— Коротки руки, отвѣтила со злобной усмѣшкой продавица яблокъ. — А не хочешь ли ты этого? продолжала она, приподнялась со скамейки, оборотилась и выкинула штуку, какую иногда можно видѣть во время танцевъ въ Екатеринбургѣ.

Дружный хохотъ раздался на базарѣ. Рыбная торговка плюнула и засучила рукава.

— Постой же ты, голубка нехвалитная (инвалидная), вотъ я раздѣлаюсь съ тобою!

И она быстро приподнялась со своего мѣста. Въ это время полупьяный крестьянинъ, съ котомкой за плечами, шатаясь, подошелъ къ лотку и обратился къ разсвирѣпѣвшей бабѣ.

— А вы, кажется, ругаетесь? сказалъ онъ осклабясь: — вѣрно, тетки, на похмѣлье?

— Какое уже тутъ похмѣлье.

— Значить поссорились?

— Вотъ та рябая вѣдьма обзываетъ меня непотребными словами. А что вамъ, дядьку?

— Хотѣлъ рыбы; да прежде надо помирить васъ. Ха, ха, ха!

— Помирить! отозвалась торговка яблоками. — Ни за что! Пусть я лопну, пусть земля распадется подо мною, пусть хлѣбъ святой станетъ у меня въ горлѣ камнемъ, если я не заплачу ей глаза при людяхъ.

— Ты мнѣ заплачешь глаза, ты, всесвѣтная потаскуха, заплачешь глаза мужней женѣ?

— Не чванься, пожалуйста, своимъ замужествомъ, потому что »скачешь въ гречку«.

Рыбная торговка побагровѣла, бросила покупателя и подскочила къ соперницѣ, которая въ свою очередь приготовилась къ оборонѣ. Нѣсколько торговокъ захохотали, а двѣ или три поспѣшили унимать есорившихся. Но, прежде чѣмъ дѣло дошло до рукопашнаго боя, полицейскій солдатъ съ палкой показался на базарѣ.

— Никакъ у васъ драка, сказалъ онъ весело, какъ человѣкъ, почувшій поживу:—чего вы расходились, проклятыя? Вотъ я васъ уйму!

— Да это онѣ такъ, служивый, вмѣшался прохожій крестьянинъ:— извѣстно бабы.

— А мнѣ какое дѣло, что бабы! Имъ сказано—языкомъ хоть что хочешь лижи, а рукамъ воли не давай. Скоро будетъ губернаторъ, а тутъ среди города беспорядокъ. За что вы завелись? спросилъ полицейскій, принимая гордую позу и возвысивъ голосъ.

Тутъ обѣ противныя стороны въ одно и то же время начали излагать свое дѣло, свидѣтели вступились, смотря по отношеніямъ, и словесное судопроизводство сдѣлалось такъ любопытно, что я подошелъ поближе. Торговки говорили вмѣстѣ, и не было никакой возможности добраться до истины, о чемъ, впрочемъ, и не заботился полицейскій. Послушавъ нѣсколько минутъ, низшій блюститель благочинія плюнулъ и махнулъ рукой.

— Обѣихъ въ полицію, сказалъ онъ. — Маршъ за мною!

— Какъ же бросить товаръ?

— А зачѣмъ я пойду?

— Не ругайтесь, вотъ и все. Тамъ разберутъ.

— Ага! я говорилъ, что такъ будетъ, сказалъ прохожій, обращаясь ко мнѣ съ самодовольной улыбкой.

Пользуясь всеобщей суматохой, собаки, шныряющія всегда около базара, подкрались къ лоткамъ, но крестьянинъ, сообщивъ о злонамѣренности воровъ, поднялъ тревогу, и бабы бросились отгонять голодныхъ животныхъ. Крикъ поднялся пуще прежняго.

— Ну, я вамъ скажу одно слово, проговорилъ полицейскій:—пойдемъ въ полицію или туда, знаете?

И онъ указалъ рукою налѣво.

— Да какъ же? отозвалась рыбная торговка:—меня безчестятъ, и я же должна убыточиться!

— А я за что? сказала ея соперница.

— Смотрите, добрые люди, что же это такое? Добро бы я побила ей морду, а-то хотѣла только разорвать чепецъ.

— Я тебѣ разорвала бы поганое вѣдемское рыло!

— Смирно! Или обѣ купите мнѣ по косушкѣ, или маршъ въ полицію.

— Такъ, такъ, сказалъ прохожій:—это самое лучшее: по косушкѣ служивому, выпейте сами, а послѣ хоть оборвите всѣ волосы другъ другу.

— Тамъ у шинка можно, а на базарѣ нельзя, замѣтилъ глубокомысленно полицейскій.

— А вотъ если пойдутъ въ шинокъ, такъ и я снова пойду, сказалъ прохожій.

— Для чего же нѣтъ! иди и ты, молвилъ полицейскій:— въ шинкѣ всѣхъ принимаютъ, лишь бы деньги.

— А уже-жъ есть деньги, безъ денегъ ничего не подѣлаешь.

Торговки въ это время кричали всѣ разомъ, но изъ этого гула рѣзко выдѣлялись нѣкоторые протесты.

Полицейскій стоялъ, сохраняя невозмутимое хладнокровіе, и, какъ видно, былъ опытенъ въ дѣлахъ подобнаго рода, потому что давалъ время высказаться общественному мнѣнію. Наконецъ бабы немного пріутихли, и хотя противницы не переставали перекидываться бранными словами, однако на далекомъ разстояніи, и каждая принялась стонать мухъ со своего товара.

— Ну, такъ что-жъ? спросилъ полицейскій.

— А что, отвѣтила худощавая старуха съ краснымъ носомъ: — онѣ не будутъ больше драться.

— Разсказывай! Нѣтъ, если не хотятъ въ шинокъ, такъ маршъ въ полицію—тамъ разберутъ, кто правъ, кто виноватъ.

— Мало лу мы ругаемся между собою на базарѣ, а если каждый разъ ходить въ полицію судиться, такъ некому будетъ и торговать.

— И ругаться теперь не приказано. Ты, глупая баба, ничего не понимаешь! Знаешь ли ты, что съ минуты на минуту ожидаемъ губернатора, значить, начальство велить, чтобъ не было никакого шума.

— Такъ, такъ, отозвался прохожій: — коли есть какая ссора, ступай въ шинокъ; не хочешь мириться, вцѣпляйся тамъ другъ другу въ волосы, а не заводи драки на базарѣ.

— Да какъ же, сказала рыбная торговка: — если намъ двумъ идти въ шинокъ, надо же и другихъ попотчивать.

— И другихъ можно, замѣтилъ крестьянинъ.

— Зачѣмъ другихъ, сказалъ полицейскій: — другія тоже

когда нибудь подерутся. Вы купите мнѣ по косушкѣ или дайте деньгами, а сами можете и вечеромъ перепиться, если захотите.

Въ это время начали подходить покупатели, и обѣ противницы дали полицейскому по 3 к., который, принявъ приношеніе, погрозилъ обѣимъ палкой и, приказавъ вести себя миролюбиво, скорымъ шагомъ отправился въ грязный переулокъ, выходящей на нижнюю улицу.

— Ты не смѣйся, говорила рыбная торговка своей неприятелици: --- я доберусь до тебя: ты воротишь мнѣ шесть грошей, которые отдала я живодеру.

— А я за что заплатила?

— Знаете, что я вамъ скажу, пани-матки, вмѣшался прохожій крестьянинъ, которому удалось наконецъ купить жареную рыбу: — пойдѣмъ въ шинокъ, вы почастуете (попостчуете) меня, а я васъ и затѣмъ мировую.

— Спасибо, добрый человѣкъ, теперь некогда: видишь, народъ подваливаетъ.

И, усѣвшись на свое мѣсто, торговка закричала рѣзкимъ голосомъ:

— Рыбы печеной, кому рыбы, рыбы, рыбы!

— Яблука солодкі, ось яблука, до мене яблукъ! заголова ея противница.

Другіе голоса затаили свои пѣсни, и я ушелъ, не дождавшись развязки. На другой день я уже нарочно приходилъ на базаръ и видѣлъ, какъ вчерашнія неприятелици миролюбиво разговаривали и занимали одна у другой мелкихъ денегъ для слачи.

Я рассказалъ объ этомъ обстоятельстве фактору, и онъ, улыбнувшись, отвѣтилъ мнѣ:

— Эти армянки по десяти разъ на день ссорятся и мирятся.

— Какъ армянки?

— Конечно, армянки.

Тогда только я припомнилъ, что въ прежнее время жили здѣсь армяне, и принялся за историческія изслѣдованія. Дѣйствительно Могилевъ въ числѣ прочихъ племенъ населяли армяне, что доказывается даже каменными плитами у костела, на которыхъ вырѣзаны армянскія надписи. Но племя это разбрелось по свѣту, и я не знаю прямые ли его потомки такъ называемые могилевскіе армяне, потому что они не сохранили ни одного армянскаго слова, и только типъ словно

напоминаетъ что-то восточное. Ксендзь Марчинскій въ своемъ статистическомъ описаніи говоритъ объ армянахъ, но преимущественно дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи этого племени, а о поселенныхъ въ краю мы находимъ у него весьма мало свѣдѣній. Вотъ что я считалъ необходимымъ выписать для любознательнаго читателя:

»Армяне, занимавшіеся постоянно торговлей, приняли христіанство въ половинѣ IV столѣтія. Торговля и различныя притѣсненія деспотовъ, иго кторыхъ не захотѣли переносить армяне, были причиной, что иные изъ послѣднихъ, найдя доступъ къ князьямъ подольскимъ и русскимъ, а также выхлопотавъ выгодныя привилегіи отъ польскихъ королей, начали чаще переходить въ Подолію *). Поселясь въ этомъ краю, ар-

---

*) Польская земля всегда радушно принимала чужеземцевъ, что объясняется привилегіями, данными каменецкимъ армянамъ польскими королями. Не всѣ здѣсь онѣ приводятся, потому что инныя изъ нихъ помѣщены въ первомъ томѣ статистики при описаніи Каменецъ-Подольска.

Въ 1496 г. каменецкіе армяне просили короля Яна-Альберта подтвердить ихъ права и привилегіи, данныя прежними королями и князьями. Янъ-Альбертъ, во вниманіе, что городъ Каменецъ подвергся непріятельскому опустошенію и лежитъ на границѣ королевства, подтвердилъ армянамъ ихъ права и привилегіи, дарованныя прежними королями и князьями, и приказалъ: чтобы армяне во всѣхъ дѣлахъ судились только своимъ войтомъ и не были призываемы ни къ какому другому суду, т. е. шляхетскому и городскому. Подлинникъ этой привилегіи, подписанный въ томъ же 1496 году, во вторникъ, наканунѣ Крещенія, въ Сендомірѣ, и до сихъ поръ сохранился на пергаментѣ.

Въ 1502 г. король Александръ, въ четвергъ послѣ праздника св. Фабіана и Себастіана, подтвердилъ въ Краковѣ армянамъ всѣ привилегіи, дарованныя имъ прежними королями и князьями. Оригиналъ сохранился и доселѣ на пергаментѣ.

Въ 1507 г. король Сигизмундъ I, въ первый день великаго поста (we srode porieciowa), на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ, подтвердилъ всему городу Каменцу и въ томъ же году, также на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ — каменецкимъ армянамъ, всѣ ихъ права и привилегіи, дарованныя прежними королями и князьями. Подтверженія эти доселѣ сохранились — для всего Каменца въ экстрактѣ изъ государственнаго архива, а для армянъ на пергаментномъ подлинникѣ.

Въ 1548 г. король Сигизмундъ-Августъ, послѣ праздника зачатія Богородицы, въ четвергъ, въ Піотрковѣ на генеральномъ сеймѣ, подтвердилъ каменецкимъ армянамъ всѣ ихъ права и привилегіи, дарованныя прежними королями и князьями. Актъ этотъ до сихъ поръ сохранился на пергаментѣ.

Въ 1552 г. тотъ же король, принявъ отъ каменецкихъ армянъ просьбу, въ которой они излагали, что, подчинясь наравнѣ съ прочими гражданами Каменца одинаковымъ тягостямъ и податямъ, они просятъ и одинаковыхъ правъ относительно торговли, варки пива, меда и продажи горячихъ напитковъ — даровалъ армянамъ право производить торговлю, печь хлѣбъ, варить пиво, медъ и гнать всякіе горячіе напитки. Актъ доселѣ сохранился на пергаментѣ.

Въ 1567 г. этотъ же король, 8 іюня, на сеймѣ въ Піотрковѣ, по ходатайству за каменецкихъ армянъ пановъ польскихъ, просившихъ, чтобы всѣ сотники, ротмистры и всѣ начальствующіе въ замкѣ и городѣ Каменцѣ не занимали для себя, ни для солдатъ подъ квартиры армянскихъ домовъ — приказалъ освободить въ мирное время отъ постоя дома каменецкихъ армянъ и только во

мяне преимущественно занялись торговлей и прибрали къ рукамъ всѣ сношенія съ востокомъ, которыя тѣмъ легче и удобнѣе было производить имъ при знаніи восточныхъ языковъ, особенно турецкаго, а также нравовъ и обычаевъ востока. Торговля доставляла имъ извѣстность и богатство, а оборотливость ихъ и привязанность къ польскому правительству и краю вызвали чрезвычайно выгодныя для нихъ привилегіи.

Первоначально поселились они двумя деревеньками въ милѣ отъ Каменца, называемыми и доселѣ Армяне и Армянка. Левъ, князь галицкій, первый призвалъ ихъ во Львовъ и призналъ гражданами, а при Владиславѣ Ягеллѣ, когда Тамерланъ опустошалъ Арменію и Персію, много перешло армянъ въ польскія провинціи.

время войны, на случай увеличенія войска въ Каменцѣ, вмѣнилъ въ обязанность армянамъ принимать къ себѣ военныхъ постояльцевъ. При этомъ повелѣно было каменецкому старостѣ и его преемникамъ отстаивать за армянами эту привилегію. Подлинный актъ сохранился и доселѣ.

Въ 1574 г. Генрихъ, король польскій, на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ, въ послѣдній день февраля, по просьбѣ армянскихъ депутатовъ, подтвердивъ всѣ прежнія ихъ права и привилегіи, дарованныя прежними королями и князьями, издалъ указъ каменецкому старостѣ, чтобы поддерживали и защищали эти привилегіи и не требовали армянъ въ свои суды, а судиться имъ, армянамъ, у своего собственного войта и ратмановъ во всѣхъ дѣлахъ, съ правомъ подавать аппелляцію въ королевскій трибуналъ. Подлинникъ и доселѣ сохранился на пергаментѣ.

Въ 1576 г. Стефанъ Баторій, на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ, 26 мая, по обычаю польскихъ королей, вступавшихъ на престоль, подтвердилъ всѣ права и привилегіи каменецкихъ армянъ, дарованныя прежними монархами, а въ особенности право подчиняться только суду собственного войта и ратмановъ. Подлинникъ сохранился и доселѣ.

Тому же королю армяне подавали просьбу, въ которой объясняли, что въ Каменцѣ издавна собираются каждую субботу базары, на которыхъ каждому горожанину всѣхъ исповѣданій: русскаго, польскаго и армянскаго, дозволяется продавать публично мясо какъ большихъ, такъ и малыхъ животных; въ прочіе же дни можно продавать только мясо баранье, овечье, козье и т. п. Вслѣдствіе сего, для узаконенія подобнаго обычая, армяне просятъ себя милостивою привилегію. Стефанъ Баторій на сеймѣ въ Торунѣ, 14 октября 1576 г., даровалъ имъ эту привилегію, которая и до сихъ поръ сохранилась въ подлинникѣ.

Въ томъ же году армяне просили короля утвердить издавна существовавшій у нихъ обычай — ежегодно въ извѣстное число извѣстнаго мѣсяца выборы войта и четырехъ ратмановъ. Стефанъ Баторій, утвердивъ прежній обычай, даровалъ эту привилегію за своей подписью. Подлинникъ на пергаментѣ существуетъ и доселѣ.

Въ 1588 г. Сигизмундъ III, король польскій и шведскій, на сеймѣ въ Краковѣ, 8 апрѣля, подтвердилъ каменецкимъ армянамъ всѣ права и привилегіи, дарованныя прежними королями и князьями. Актъ и до сихъ поръ сохранился на пергаментѣ.

Въ царствованіе того же короля, послѣ пожара въ Каменцѣ, истребившаго часть города и армянскую ратушу, Сигизмундъ, нисходя на просьбу армянъ, дозволилъ имъ построить ратушу, какъ мѣсто собственно только для

Армянская религія, по просьбѣ Гремисловы, жены Лешка Бѣлаго, была введена въ польской Руси въ 1620 г., а уніа съ римской церковью послѣдовала только въ 1666 г. стараніями Николая Торосевича, перваго архіепископа армянскаго, и продолжается доселѣ.

Армяне-католики поселились въ Италіи, Россіи, Польшѣ и Персіи и отправляютъ богослуженіе на своемъ языкѣ.

По завоєваніи Каменца-Подольскаго турками, въ 1672 го-

армянскаго суда, уволивъ ее отъ всякаго поста. Актъ, подписанный въ Краковѣ 15 іюня 1604 г., сохранился доселѣ на пергаментѣ.

Въ царствованіе того же короля, построивъ больницу для убогихъ и не имѣя капитала для содержанія этой больницы, каменецкіе армяне просили о ея утвержденіи и милостиваго пожертвованія. Снисходя на просьбу, Сигизмундъ III больницу утвердилъ, а на содержаніе ея назначилъ, чтобы платили: каждый армянскій купецъ, при всякомъ выѣздѣ въ Турцію и обратномъ пріѣздѣ—по три гроша польскихъ съ лошади; армянскій рѣзникъ отъ каждой большой штуки по два, а отъ меньшей по грошу, и сверхъ того каждая повозка дровъ, купленная для продажи или для собственнаго употребленія, проходящая въ русскую брѣму (ворота въ башнѣ), давала по одному полѣну. Подлинный актъ этотъ, подписанный въ Варшавѣ въ декабрѣ 1614 г., сохранился и доселѣ.

Въ 1631 г. тѣмъ же королемъ даны были армянамъ двѣ привилегіи — 26 марта и 20 мая, но неизвѣстнаго содержанія, потому что подлинныя документы утрачены. Упоминается только о нихъ въ предварительныхъ граматахъ Владислава IV и Яна-Казимира.

Вступивъ на престолъ и принявъ отъ армянскихъ депутатовъ присягу въ вѣрности, Владиславъ IV подтвердилъ каменецкимъ армянамъ права и привилегіи, а именно, дарованія польскими королями: Стефаномъ Баторіемъ отъ 26 мая 1567 г., отъ 14 ноября того же года и Сигизмундомъ III отъ 8 апрѣля 1588 г., отъ 26 марта и отъ 20 мая того же года. Подлинникъ на пергаментѣ сохранился доселѣ.

Въ 1649 г. Янъ-Казиміръ, на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ, подтвердилъ каменецкимъ армянамъ прежнія привилегіи, а именно королевскія: Стефана Баторія, Сигизмунда и Владислава. Подлинникъ на пергаментѣ сохранился и доселѣ.

Въ царствованіе того же короля каменецкіе армяне подавали Яну-Казимиру просьбу слѣдующаго содержанія: у нихъ издавна существовала мельница на рѣкѣ Смотригѣ, построенная по особымъ королевскимъ привилегіямъ, съ которой двѣ части дохода шли въ королевское казначейство, а третья—армянамъ, и на починку которой двѣ части выдавалъ староста, остальную же армянское общество. Такъ какъ по случаю разлитія рѣки Смотриго эта мельница была совершенно уничтожена и на починку ея армяне употребили небольшую сумму, то и просили привилегіи. Король согласился на просьбу и дозволил армянамъ на вѣчныя времена помолъ солода и разнаго рода хлѣба. Подлинный рескриптъ отъ 6 февраля 1649 г. сохранился доселѣ.

Тотъ же король, вознаграждая мужество армянскаго магистрата, оказанное при осадѣ Каменца казаками, венграми и шведами, дозволилъ на хуторахъ, находящихся на городской землѣ и принадлежащихъ армянамъ, взимать войту и ратманамъ съ людей, поселившихся на тѣхъ хуторахъ, чиншъ — плату за скотъ и десятину — и этими доходами дѣлиться войту и ратманамъ. Вмѣстѣ дозволилъ постройку корчмы на армянскихъ мѣстахъ и выдѣлку спиртныхъ напитковъ. Привилегія эта, данная въ Варшавѣ 23 марта 1658 г., сохранилась доселѣ.

ду, болѣе достаточные армяне выѣхали изъ города и поселились въ разныхъ мѣстахъ Галиціи, какъ непринадлежащихъ туркамъ. По выходѣ послѣднихъ изъ Каменца и части Подолія армяне снова начали селиться, воскресили прежнюю торговлю, которую поддерживали въ цвѣтущемъ состояніи до поступленія Подолія подъ російскій скипетръ. Торговля ихъ прекратилась отъ трехъ причинъ: во первыхъ, когда въ перевозкѣ товаровъ возникли для нихъ затрудненія на та-

Въ 1662 г., 7 февраля, въ царствованіе того же короля, каменецкій мѣщанинъ и армянскій присяжный, Захарій Криштафовичъ, сдѣлалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ выразилъ: „имѣя королевскія привилегіи на постройку мельницы, стоящей подъ каменнымъ мостомъ въ городѣ, и вмѣстѣ капиталъ въ 7,313 злотыхъ и два гроша, обезпеченный этою мельницею въ силу декретовъ комисарскихъ и ассесорскихъ, а также въ силу привилегіи, имѣя право распоряджаться своею собственностью, по случаю бездѣтности, какъ ему угодно, — онъ записываетъ капиталъ 7,313 зл. 2 гроша, обезпеченный мельницею илиея третьею мѣркою, армянскому магистрату съ условіемъ, чтобы доходъ употреблять на общественную пользу и сто злотыхъ въ годъ выдавать польскому магистрату на содержаніе пушекъ, подаренныхъ нѣкогда армяниномъ Михаиломъ“. Король утвердилъ это завѣщаніе 6 апрѣля 1662 г., и подлинный актъ сохранился до сихъ поръ на пергаментѣ.

Въ 1665 г., 5 марта, тотъ же король въ Варшавѣ въ награду за вѣрность и мужество каменецкихъ армянъ во время обороны Каменца — сравнялъ ихъ во всѣхъ правахъ и привилегіяхъ города съ прочими обывателями какъ польскими, такъ и русскими, а для отличія ихъ присутственныхъ мѣстъ какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, дозволилъ имъ печатать бумаги краснымъ сургучомъ. Подлинный актъ сохранился доселѣ на пергаментѣ.

Въ томъ же году на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ, 4 ноября, король Михаилъ, принявъ отъ армянскихъ депутатовъ присягу въ вѣрнопопданствѣ, подтвердилъ всѣ права и привилегіи каменецкихъ армянъ, дарованныя королями: Стефаномъ Баторіемъ, Сигизмундомъ III, Владиславомъ IV и др., причемъ освободилъ ихъ попрежнему отъ судовъ земскихъ, городскихъ и трибунальныхъ. Подлинный актъ сохранился доселѣ на пергаментѣ.

Въ царствованіе того же короля каменецкіе армяне обвинены были въ поступкахъ противныхъ вѣрнопопданническому долгу. Армянскіе выборные объяснялись по этому случаю съ гетманомъ Собѣскимъ и просили его ходатайствовать за нихъ у короля, но клеветѣ не дано было вѣры. Это видно, во первыхъ, изъ письма гетмана, отъ 3 іюня 1672 г., армянскому магистрату, въ которомъ пишетъ Собѣскій, что не вѣрить доносамъ, омрачающимъ ихъ славу, и хвалитъ ихъ мужество и добродѣтель, и, во вторыхъ, изъ королевской граматы тому же магистрату, отъ 26 іюня, изъ Варшавы, въ которой король пишетъ, что отвергъ ложный доносъ, хвалитъ ихъ мужество и вѣрность, чего надѣется и на будущее время. Подлинные акты сохраняются доселѣ.

Въ 1697 г., сентября 30, на коронаціонномъ сеймѣ при востествіи на престолъ король Августъ II подтвердилъ каменецкимъ армянамъ привилегіи короля Яна-Казимира 1652 г. на свободное производство торговли и продажу горячихъ напитковъ. Подлинный актъ на пергаментѣ сохранился доселѣ. Во время выдачи этой привилегіи городъ Каменецъ и вся Подолія оставались во власти турокъ, но Каменецъ однако же считался городомъ, принадлежащимъ Польшѣ, потому что не былъ уступленъ республикой.

Въ 1776 г., 5 августа, въ Варшавѣ король Станиславъ-Августъ подтвердилъ каменецкимъ армянамъ всѣ права и привилегіи, дарованныя прежними королями. Подлинный актъ сохранился доселѣ на пергаментѣ.

можныхъ, потому что, кромѣ положенной пошлыны, армяне, по незнанію русскаго языка, не знали и настоящей цифры тарифа, а потому, съ увеличившеюся цѣнностью товаровъ, они сбывали ихъ уже съ большимъ затрудненіемъ. Во вторыхъ, когда въ Каменецъ втерлись евреи, исходатайствовали себѣ покровительство, во всемъ въ противность каменецкимъ привилегіямъ, и начали вывозить изъ Молдавіи большое количество товаровъ, подобныхъ турецкимъ, но гораздо низшаго достоинства. Притомъ же, обладая способностью, свойственною ихъ племени, евреи успѣшно занимались контрабандой и потому дешевле могли продавать свои товары, подрывая торговлю армянъ этимъ способомъ. Въ третьихъ, уплата гильдейскихъ, взиманіе въ казну извѣстнаго процента и частое опечатываніе лавокъ сдѣлались для нихъ новой тягостью, и, сосчитавъ всѣ эти расходы, пошлыну и подарки, стоившіе то же, что и товары, дѣлается понятнымъ, что армяне не только менѣе стали заниматься торговлей, но, потерявъ почти капиталы, сами обѣднѣли.

Одаренные промышленными способностями, ловкіе армяне чрезвычайно щедры во вспомоществованіи убогимъ и твердо сохраняютъ свою религію. Производя торговлю въ Подоліи, Турціи и цѣлой Азіи, собираютъ богатства, къ которымъ не показываютъ большаго пристрастія. Продавая товаръ, армянинъ хвалитъ свой товаръ самымъ усерднымъ образомъ, увѣряетъ, что лучше не бываетъ, и не уступитъ ни копѣйки. Несмотря на богатство, армянинъ расчетливъ и скупъ въ домашней жизни до мелочей, рассчитывая даже съѣстные припасы. Нравы мужчинъ начинаютъ дѣлаться свободнѣе; окончивъ школу, армянская молодежь способна не только къ военной, но и ко всякой службѣ на пользу края.

Армянки скромны и набожны, особенно въ церкви. Фигура ихъ похожа на кающуюся Магдалину: армянка плачетъ, вздыхаетъ, ложится крестомъ, и еслибы находилась передъ самымъ строгимъ судьей — легко вымолила бы себѣ прощеніе. Армянки занимаются хозяйствомъ, и рѣдко можно найти такихъ трудолюбивыхъ, расчетливыхъ хозяекъ, умѣющихъ извлекать изъ всего пользу, такихъ неприхотливыхъ въ нарядѣ, такихъ вѣрныхъ женъ и нѣжныхъ матерей, какъ армянки» («Статистическое описаніе Под. губ.» т. III, стр. 8—26).

Еще, значить, недавно въ Могилевѣ Подольскомъ не только жили армяне, но имѣли своего архіепископа, а теперь осталось ихъ одно названіе. Хотя ксендзъ Марчинскій и гово-

рить, что убожество и переселеніе армянъ каменецкихъ, а слѣдовательно и могилевскихъ, произошло отъ наплыва евреевъ и льготъ дарованныхъ послѣднимъ, однако, по моему мнѣнію, нельзя согласиться съ этимъ безусловно. Самый тонкій еврей не проведетъ самаго обыкновеннаго армянина, доказательствомъ чему служить, напр., Ростовъ на Дону, въ которомъ евреи почти незамѣтны, хотя и живутъ тамъ и очень хорошо знаютъ всѣ выгоды, предоставляемыя богатымъ портовымъ городомъ промышленному человѣку. А я думаю такъ: не выѣхали ли, разбогатѣвъ, армяне въ мѣста болѣе оживленныя, особенно въ ту пору, когда начала развиваться наша черноморская торговля и посредство ихъ сдѣлалось необходимымъ. Не выдаю этого за истину, но опираюсь на подобный фактъ съ другой національностью. Въ Нѣжинѣ Черниговской губ. жило въ прежнее время очень много богатыхъ грековъ, которые составляли себѣ состояніе именно только тѣмъ, что служили посредниками между Москвою и черноморскими портами. Нѣкогда богатый и цвѣтуцій, этотъ городъ теперь видимо и быстро приходитъ въ разрушеніе: старые греческіе дома дѣлаются грудями развалинъ, а новые туго строятся, потому что городъ, потерявъ коммерческое значеніе, лежитъ въ сторонѣ отъ торговыхъ путей и никогда не можетъ подняться. Сами греки переродились до того, что многіе изъ нихъ не говорятъ уже по гречески.

Можетъ быть я и ошибаюсь; можетъ быть кто нибудь изъ мѣстныхъ жителей, серьезно занявшись разработкой армянскихъ населеній въ Подольской губерніи, укажетъ — куда дѣвалось это племя. Но я могу сказать положительно, что въ настоящее время въ Могилевѣ отъ армянъ осталось лишь одно названіе.

Подобно всѣмъ городамъ западныхъ губерній Могилевъ имѣетъ ресторацію и кондитерскую, въ которыхъ все-таки можно найти обѣдъ, кофе, шоколадъ, мороженое по цѣнамъ довольно умѣреннымъ. Обѣдъ готовится польскій по преимуществу, и проѣзжіе не рискуютъ мучиться голодомъ. Мнѣ приносили хорошій борщъ, зразы, битки или добрый кусокъ бифстексу съ готовыми приборами. Нельзя сказать, чтобы кухня была безукоризненна, однако, если принять во вниманіе, что и въ большихъ губернскихъ городахъ эта часть не въ блистательномъ положеніи, то многимъ покажется удивительнымъ, какъ въ уѣздномъ городкѣ могутъ существовать подобныя заведенія. Мѣстные жители и здѣсь, разумѣется, не

беруть обѣда изъ трактировъ, развѣ весьма рѣдко, проѣзжихъ недостаточно, и, казалось бы, трактирщикъ долженъ торговать въ убытокъ; но главными потребителями являются помѣщики, привлекаемые какъ по дѣламъ въ уѣздныя присутственныя мѣста, такъ и для торговыхъ операцій. Обыкновенно въ кондитерской и рестораціи пусто, потому что каждый проѣзжій требуетъ всего на домъ, но маленькія комнатки довольно прилично меблированы, и содержатели обоихъ заведеній кое-какъ сводятъ концы съ концами. Ежедневно на картѣ обѣда не менѣе четырехъ блюдъ, а обычай посылать кушанье на квартиры такъ развитъ у ресторатора, что, когда я переѣхалъ въ Атаки, на другую сторону Днѣстра, онъ снабжалъ меня и туда обѣдомъ.

Могилевскія лавки, наполненныя въ изобиліи разнообразными товарами, даже предметами роскоши, могли бы дать понятіе о блестящемъ состояніи мѣстной торговли и, наконецъ, о достаточности уѣздныхъ потребителей, еслибы всѣ запасы дѣйствительно расходились въ Могилевѣ. Но большая часть дорогихъ товаровъ, добываемыхъ изъ Хотина и Бричанъ, отправляется на ярмарки, которыхъ такое множество въ краю и близлежащихъ провинціяхъ. Между прочимъ въ Могилевѣ есть лавки готоваго мужскаго платья какъ мѣстнаго произведенія, такъ и заграничнаго привоза, которое преимущественно сбывается на ярмаркахъ, потому что для города и уѣзда не требовалось бы ни такого количества, ни разнообразнаго выбора. Дешевизна этого товара за границей, доведенная до *pes plus ultra*, даетъ и здѣсь возможность приобрести необходимый костюмъ недорого, если вы съумѣете поторговаться, потому что евреи способны обходить таможенные притины и перевозятъ готовое платье безъ пошлины. Я бесѣдовалъ объ этомъ обстоятельствѣ съ однимъ мѣстнымъ портнымъ, который находитъ подобную торговлю весьма незаконною, конечно, на томъ основаніи, что возможность купить готовый нарядъ, безспорно лучший и болѣе дешевый, лишаетъ мѣстныхъ мастеровъ порядочнаго заработка. По словамъ этого портнаго сотоварища его по иглѣ и ножницамъ хотѣли было сообща однажды хлопотать о поддержкѣ своего ремесла, но затѣя эта окончилась ничѣмъ, какъ и ожидать слѣдовало. Торговцы объявили прямо, что, во первыхъ, портные ничего не выиграютъ, а, во вторыхъ, пригрозили не заказывать ни одной пары платья и все выписывать изъ-за границы.

— Такъ вы и не жаловались? спросилъ я.

— Куда же намъ жаловаться! И то сидишь теперь частенько безъ работы, а тогда въ самомъ дѣлѣ бросай иголку. Еслибы еще не помѣщики — хоть волкомъ вой. Въ городѣ чиновниковъ мало, да и тѣ купятъ готовое и носятъ, носятъ, даже смотрѣть досадно.

— А еврей?

— Еврей тоже. Богатые шьютъ на сторонѣ: кто въ Каменцѣ или за границей, а прочіе или покупаютъ готовое, или торгуются съ тобой такъ, что придется злата три—четыре за работу. Плохое наше житье! Ну, поэтому и возьмешь иногда грѣхъ на душу: какому нибудь скрягѣ и сошьешь на живую нитку.

Портной этотъ, очень разумный человѣкъ, сообщилъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о настоящемъ состояніи ремесленниковъ. По его мнѣнію — и нельзя съ нимъ не согласиться — тѣ только ремесленники пользуются довольствомъ, кто работаетъ на простолудиновъ; но, кто исключительно имѣетъ въ виду другіе классы общества, тому порою выпадаютъ тяжелые дни, особенно если онъ человѣкъ семейный.

— Мнѣ кажется, сказалъ я: — что иногда сами ремесленники виноваты: напримѣръ, заведется въ городѣ лишнее число портныхъ или сапожниковъ — вотъ непременно заработокъ и становится труднѣе.

— Оно такъ, да нельзя пособить горю. У насъ обыкновенно ремесло переходитъ отъ отца къ сыну, потому что, гдѣ же мальчику легче научиться, какъ не дома, съ малолѣтства.

— А если два—три сына?

— Рѣдко, чтобы всѣ учились отцовскому ремеслу.

— Значитъ не можетъ быть лишнихъ ремесленниковъ, потому что и народонаселеніе постепенно увеличивается.

— А вы развѣ не считаете, сколько постороннихъ отдается въ науку, рассчитывая на вѣрный кусокъ хлѣба? Вѣдь у насъ, особенно у евреевъ, мало-мальски порядочный подмастерье ужъ и норовитъ сдѣлаться мастеромъ и лучше будетъ сидѣть цѣлую недѣлю безъ работы, а не пойдетъ служить за жалованіе: у насъ есть и теперь портные, которымъ не успѣли вы заказать работу — они попросятъ впередъ денегъ, на покупку нетолько приклада, но иногда нитокъ или шелка.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, какое ремесло прибыльнѣе.

— Сколько я понимаю — сапожное и кузнечное: тамъ бабыши хоть небольшіе, но постоянные, и ремесленникъ никогда не сидитъ безъ работы. Разорвется, положимъ, рукавъ

или штаны—рѣдко кто понесетъ къ портному въ починку, а съ сапогами и съ желѣзной вещью ничего не подѣлаешь, не знаячи, да и нѣтъ инструмента.

Желая имѣть понятіе о приемахъ могилевскихъ ремесленниковъ, хотъ, на примѣръ, въ портняжествѣ, я заходилъ къ знакомому портному и присматривался къ его мастерской во время работы. Конечно, по уѣзднымъ городамъ въ заведеніяхъ этого рода ничего нельзя ожидать утѣшительнаго: и грязь, и тѣснота, и оборванная одежда учениковъ меня не удивили; но одно обстоятельство было мнѣ въ диковинку—кротость и мягкость мастера въ обращеніи съ подчиненными. Конечно, я сперва подумалъ, что разумный еврей считалъ обязанностью показаться передо мною въ лучшемъ свѣтѣ, но натянутость отношеній была бы замѣтна у работниковъ, а послѣдніе разговаривали съ нимъ и между собою, нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Какъ водится, новички грѣли утюги и служили для посылокъ—пріемъ, употребляемый всѣми вообще портными, у которыхъ мальчикъ въ первый годъ едва научается владѣть иглой, собственно, какъ они говорятъ, потому, что черная работа необходима и для нея нужно было бы отрывать полезнаго работника. Въ небольшой низкой комнатѣ, на перекосившемся кругломъ столѣ, сидѣло, поджавъ ноги, человекъ семь портныхъ и дѣятельно шило пальто, штаны, жилеты, сюртуки и одинъ фракъ для какого-то жениха, и этотъ полуоконченный фракъ былъ показанъ мнѣ какъ образецъ искусства. Хозяинъ не преминулъ также замѣтить, что онъ имѣетъ *математическую мѣрку*, т. е. тесьму съ размѣренными дюймами, столь обыкновенную, но не вездѣ еще проникшую въ отдаленныя провинціи. Мѣстные портные по большей части снимаютъ еще мѣрку на простой бумажкѣ и на размѣренную тесьму смотрятъ съ нѣкоторой недоувѣрчивостью.

Однажды я завелъ съ этимъ портнымъ разговоръ о содержаніи мальчиковъ и подмастерьевъ и замѣтилъ, что странно у такого, повидимому, порядочнаго мастера видѣть работниковъ въ изорванномъ платьѣ и грязныхъ рубашкахъ.

— Иначе и быть не можетъ, сказалъ онъ:— все это народъ бѣдный.

— Согласенъ, но и бѣдному можно не допускать одежду до такой степени.

— А что вы съ ними сдѣлаете? Мальчикъ цѣлый день сидитъ за иглой, и она ему такъ надоѣстъ, что, едва окон-

чивъ работу, онъ спѣшитъ побаловать. А рубашка можетъ ли быть чиста у нашего брата? У инаго всего ихъ двѣ, вотъ поневолѣ и носить.

— Вѣдь это вредно для здоровья, а рабочему оно необходимо.

— Помилуйте, если нашему брату смотрѣть еще за чистотою, такъ и ѣсть будетъ нечего. Это панскія выдумки.

— Нѣтъ, не панскія; но евреи вообще не заботятся о чистоплотности.

— Мы смотримъ за чистотою разъ въ недѣлю — въ шабашъ, да въ большіе праздники, въ другіе же дни насъ свои осмѣяли бы.

Нечего было возражать противъ такого аргумента, и я началъ спрашивать, передаетъ ли мастеръ все свое искусство ученику или смотритъ на это обстоятельство съ другой точки зрѣнія. Портной отвѣчалъ мнѣ утвердительно, но такимъ тономъ, изъ котораго я заключилъ о присутствіи запасной мысли и не настаивалъ. Когда я уходилъ и портной вызвался проводить меня, онъ самъ завелъ прерванный разговоръ.

— Вы спрашивали насчетъ учениковъ, сказалъ онъ, закуривая папиросу: — видите ли, при нихъ мнѣ не хотѣлось отвѣчать вамъ. Инаго учишь какъ слѣдуетъ, а инаго только по верхамъ. Согласитесь, еслибы я всѣмъ показывалъ всѣ тонкости, у меня скоро отбили бы кусокъ хлѣба.

— А добросовѣстно ли это?

— Какъ хотите, а нельзя иначе: »своя рубашка ближе къ тѣлу«.

— За что же бѣднякъ, словно крѣпостной, работаетъ тебѣ нѣсколько лѣтъ сряду?

— Онъ и выходитъ портнымъ: я показываю ему все необходимое. И, знаете ли, есть изъ нашего брата такіе молодцы, что сами угадываютъ многое, и, если замѣтишь это, нечего дѣлать, показываешь всѣ тонкости. Безъ хитрости не проживешь на свѣтѣ; хитрить надо, заключилъ онъ рѣшительно.

— А у тебя же между работниками есть искусники?

— Есть одинъ, если замѣтили, съ курчавыми волосами: это бестія, которая и меня заткнетъ за поясъ современемъ! ну да бѣднякъ, круглый сирота... Недавно былъ случай: пришлось шить фракъ одному горбтому господину — это для портнаго самое большое несчастье, особенно, если горбунъ хочетъ молодиться и ухаживаетъ за паненками. Ты непре-

мѣнно дѣлай платье, чтобы горбъ выходилъ незамѣтенъ, а какъ это сдѣлать, если у инаго на спинѣ словно курганъ выросъ? Снимая мѣрку, я уже раздумывалъ и, казалось, изобрѣлъ средство. Фракъ вышелъ какъ вылитый, но отъ этого горбъ отдулся еще больше и дѣлалъ моего пана уродъ уродомъ. Горбуну это очень не понравилось — а человѣкъ достаточный — и онъ объявилъ, что если часа черезъ два не будетъ готовъ фракъ, во первыхъ, не получу денегъ за работу, во вторыхъ, онъ никогда не будетъ мнѣ ничего заказывать. Правду сказать, мнѣ еще не приходилось шить на такихъ уродовъ, и я сталъ въ тупикъ. Прихожу домой и рассказываю. Курчавый подмастерье вызвалъ меня въ сѣни и говорить, что черезъ два часа онъ передѣлаетъ фракъ и надѣется угодить горбуну, но чтобы я не мѣшался. Надо было согласиться, и, точно, фракъ вышелъ на славу. Горбунъ не только остался доволенъ, а прибавилъ еще пять золотыхъ на водку, которые всѣ я и отдалъ подмастерью. Я очень хорошо вижу, что это будетъ чортъ, а не мастеръ и заткнетъ меня за поясъ, да я люблю его за тихій нравъ, за прилежаніе и за то, что нѣтъ у него ни роду, ни племени.

— Значить ремесломъ жить можно? спросилъ я.

— Пока можно; не знаю, что дальше будетъ.

Гораздо лучше ведутъ свои дѣла женскіе портные, разумѣется, евреи, находя на мѣстѣ больше практики, чѣмъ собаты, одѣвающие не прекрасную половину рода человѣческаго. Въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ по городамъ въ дворянахъ, чиновникахъ и даже въ мѣщанахъ много польскаго элемента, женщины обращаютъ большое вниманіе на одежду и дѣятельно слѣдятъ за измѣненіями моды. Самая бѣдная шляхтянка, отецъ которой ходитъ въ смазныхъ сапогахъ и старомодномъ кафтанѣ, считаетъ обязанностью имѣть хотя два платья послѣдняго фасона, и если есть изъ нихъ сами искусныя мастерицы, то немало и такихъ, которыя прибѣгаютъ къ какому нибудь Беркѣ или Мошкѣ, вполне постигающимъ тайну женскаго туалета. Есть мастера, круглый годъ разъѣзжающіе по своему и сосѣднимъ уѣздамъ и работающіе въ богатыхъ домахъ, наживая порядочныя деньги. Эти портные служатъ вмѣстѣ и вѣстовщиками, разнося по окрестности разные новости и скандалы, безъ которыхъ не обходится самое бѣдное захолустье. Отъ одного изъ такихъ мастеровъ, охотно снабжавшаго меня свѣдѣніями относительно своего ремесла, я узналъ разныя событія въ уѣздахъ Могилевскомъ и

Хотинскомъ, которыми однако же не стану утомлять читателя. Изъ разсказовъ словоохотнаго еврея я узналъ, что существуютъ такіе ревнивые паны, которые сами выучились снимать мѣрки и не позволяютъ портному прикасаться къ таліямъ своихъ женъ, »хотя«, какъ выразился разсказчикъ, »портному ровно нѣтъ никакого барыша, снимая мѣрку съ барыни«. При этомъ онъ лукаво подмигнулъ, по всеѣмъ вѣроятіямъ ожидая отъ меня дальнѣйшихъ разспросовъ.

— А вѣдь есть хорошія барыни, сказалъ я.

— У, какія! только видите ли: первое, что нашъ братъ смотритъ иначе на всякую женщину, кромѣ своей жены, а, второе, паны считаютъ еврея собакой.

— Не думаю, чтобы все были такого мнѣнія.

— Правды дѣвать некуда. Не знаю — какъ русскіе, но у польскихъ помѣщиковъ жидъ и собака одно и тоже, да еще, пожалуй, собака у нихъ лучше.

— Можетъ быть это было.

— Есть и теперь. Правда, что ни одинъ панъ безъ жидковъ не обойдется, особенно если нужны деньги; пожалуй, тогда и обласкаетъ, а въ другое время — у! какіе гордые!

— Съ тобою-то, я думаю, обходятся хорошо.

— Жаловаться нельзя, не обижаютъ, а все по большей части выдѣлываютъ какія нибудь штуки — извѣстно паны. Со мною былъ одинъ разъ случай, и, не дай Богъ, какъ я испугался! Я только еще что выучился мастерству и началъ зарабатывать хлѣбъ. Отъ помѣщика къ помѣщику заѣхалъ я какъ-то на Воынь. Вотъ разъ отправился на шабашъ въ мѣстечко. Рано утромъ въ воскресенье хотѣлъ уже нанимать фурмана (извозчика), чтобы спѣшить къ своему мѣсту, какъ передъ заѣзднымъ домомъ остановилось нѣсколько экипажей. Шумъ и гамъ! Одинъ графъ ѣхалъ на свадьбу къ роднымъ въ Кіевскую губернію, и его прошлую ночью на дорогѣ обокрали. Вещей пропало немного, но у графини украдены были все лучшія платья, которыя дѣлали ей не то въ Варшавѣ, не то за границей. Конечно, у нея платьевъ оставалось еще довольно, да все уже не такія, въ какихъ ей хотѣлось пощеголять между вельможными гостями. Графиня, знаете, молоденькая, а мужъ — старый сѣдой панъ, роста подъ потолокъ и усы чуть не по колѣни. Сердитый такой, но, говорятъ, передъ молодою женою смиренѣе ягненка. Вотъ она и раскапризничалась.

»Не хочу«, говоритъ, »ѣхать на свадьбу, если у меня не будетъ двухъ богатыхъ платьевъ«.

Графъ уговаривать, упрашивать—ни что не помогало. По-
давай дамскаго портнаго. Хозяинъ узналъ это и указалъ на
меня, расхвалилъ мою работу и прихвастнулъ, что я учился
въ Варшавѣ. А тутъ, какъ нарочно, ѣхали разносчики куда-
то на ярмарку съ дорогими матеріями, и у нихъ можно было
выбрать самые модные наряды, кружева, ленты. Меня тот-
часъ же кликнули. Я, признаться, тоже солгалъ, что учился
въ Варшавѣ.

— Ну, пся кровь (собачья кровь), сказалъ мнѣ графъ: —
можешь ли ты за два дня сшить два платья?

— Одинъ не могу, отвѣтилъ я.

— Мы дадимъ тебѣ въ помощь пару горничныхъ, ска-
зала графиня.

— Если умѣютъ шить — будетъ готово.

— Этого мало, сказалъ графъ: — ты долженъ сдѣлать, не
снимая мѣрки: я не хочу, чтобы поганый пархъ прикасался
къ моей женѣ нечистыми руками.

— А какъ же можно безъ мѣрки? Не могу, ваше сія-
тельство.

— Какъ знаешь.

— Можешь взять какоенибудь мое платье, отозвалась
графиня.

Панъ былъ очень богатый, заработокъ важный — какъ
упустить изъ рукъ такую добычу! А между тѣмъ старикъ
сердитый, страшно, если не попаду безъ мѣрки.

— Боюсь безъ мѣрки ваше сіятельство.

— Дамъ двѣсти золотыхъ за работу.

Я такъ и вздрогнулъ.

— Могу, извольте.

— Пстой, пся кровь, это еще не все. Двѣсти золотыхъ,
если угодишь графинѣ, а если нѣтъ — сто горячихъ бизуновъ
(лозановъ), и ужъ, повѣрь, не пожалѣю.

Меня подрало морозомъ по кожѣ.

— Надо угадать, говорю.

— Ну, по рукамъ. Гей! дайте ему лучшее платье гра-
фини, купите мыла, чтобы нѣсколько разъ въ день мыль
руки, займите большую комнату, дайте двухъ горничныхъ — и
сейчасъ за работу. Помни же, Иуда, или двѣсти золотыхъ, или
сто бизуновъ и чтобы платья готовы были къ обѣду послѣ-
завтра.

Я не помнилъ, какъ и вышелъ отъ сердитаго пана. Правда,
двѣсти золотыхъ вѣрные, да не уйдешь и отъ бизуновъ. Съ

магнатомъ шутить нельзя, тѣмъ болѣе, что я согласился добровольно; многіе слышали. Теперь не то уже время, а прежде не обижалъ еврея развѣ тотъ, кто не хотѣлъ. Распоролъ я платье, размѣрилъ матерію, скроилъ, разъ двадцать бѣгалъ спрашивать — какія дѣлать оборки, а самъ все присматривался къ графинѣ. Пани молодая, роскошная, грудь, знаете, такъ и рвется изъ-подъ корсета. Выпросилъ я и корсетъ. Ну, работалъ день и ночь, просилъ примѣрить, такъ меня не допускали, а самъ старикъ сказывалъ, что и гдѣ поузить и расширить; просто бѣда! Однако во вторникъ оба платья были готовы. Несу, а у самага колѣни дрожатъ. Надѣвала оба платья. Меня выслали на улицу. Дожидаюсь на крыльцѣ. Выходитъ графъ, такой нахмуренный.

— Не удалось, пся кривь, сказалъ онъ: — въ одномъ платьѣ на спинѣ горбъ, а другое морщится спереди.

— Ваше сіятельство, началъ я...

— Молчать! не думай, что я хочу отдѣлаться и не заплатить денегъ: вотъ твои двѣсти злотыхъ; но не могу отступить и отъ своего слова: ты получишь сто бизуновъ. Гей, хлопцы!

Я упалъ на колѣни.

— Я лучше не хочу денегъ.

— Какъ, подлець, ты мнѣ даришь двѣсти злотыхъ?

Хлопцы съ аршинными усами прибѣжали.

— Дать ему сто горячихъ бизуновъ!

Я такъ перепугался, что упалъ на крыльцѣ замертво и, говорятъ, лежалъ съ четверть часа безъ движенія. Когда очнулся — панскіе экипажи запрягали, а графъ сидѣлъ съ трубкой и хохоталъ на все мѣстечко.

— А что, пся вѣра, испугался? Ну, я пошутилъ. Ты, бестія, отлично сдѣлалъ платья, вотъ тебѣ графиня дарить еще отъ себя два червонца.

Разумѣется, я обрадовался и бросился цѣловать графскія колѣни. Мнѣ тогда была крайняя нужда въ деньгахъ, я получилъ неожиданно большую сумму, но готовъ былъ отдать своихъ кровныхъ сто тридцать злотыхъ, чтобы не испытать такого испуга.

Недурно ведутъ свои дѣла также шапочники, какъ потому, что фуражки и шапки необходимы каждому горожанину, такъ и потому, что товаръ этотъ развозится и находить изобильный сбытъ по ярмаркамъ.

Вообще ремесленники постоянно заняты, и такъ какъ этотъ

кл
то
ра
во
эт
ра
на
ро
не
въ
кѣ
ско
жал
бы
я в
жит
жив
нѣт
ност
обрѣ
свое
возм
сказ
имѣл
недо
ющіе
стра
обоим
мясь
мѣств
Днѣп
заним
съ эти
по сут
артеля
щимым
которы
будь и
каждом
ихъ от
старика

классъ въ Могилевѣ преимущественно состоитъ изъ евреевъ, то нѣтъ между ними ни пьяницъ, ни буяновъ, обыкновенно расхаживающихъ въ нашихъ городахъ по праздникамъ и водворяющихъ драки и ссоры отъ пьянства и бездѣлья. Евреи въ этомъ отношеніи безупречны. Они тоже по праздникамъ не работаютъ, а если иной и выпьетъ лишнее, то не покажется на улицу въ безобразномъ видѣ. У насъ же мастеровой народъ какъ-то особенно придерживается чарки, и, за весьма небольшими исключеніями, многимъ кажется и праздникъ не въ праздникъ, если не удастся хватить и не понавѣдаться къ фizioноміи ближняго.

Но рыболовство здѣсь незначительно, и, хотя найдете нѣсколько рыболововъ, однако, промышленность эта въ самомъ жалкомъ положеніи, хотя и представляетъ девольно прибыльный заработокъ. Проживя долго въ низовьяхъ Днѣпра, я не могъ даже примириться съ мыслию, что прибрежные жители Днѣстра, именуемые рыбаками, дѣйствительно заслуживаютъ это названіе. Не говоря уже о томъ, что у нихъ нѣтъ рыбацкой удали, пренебрегающей нерѣдко явную опасность, что нѣтъ въ нихъ этой развязности и ловкости, приобретаемыхъ на водѣ въ борьбѣ съ бурями, но и ремесла-то своего они не любятъ и смотрятъ на него какъ на случайную возможность заработать лишнюю копѣйку. А вѣдь нельзя сказать, чтобы Днѣстръ былъ не рыбная рѣка или рыба не имѣла бы сбыта. Напротивъ въ рыбѣ ощущается постоянный недостатокъ уже потому, что простолюдины, строго соблюдающіе посты, нуждаются въ пищѣ, и еще по особенному пристрастію къ рыбѣ еврейскаго населенія, изобилующаго по обоимъ берегамъ Днѣстра, въ городахъ и мѣстечкахъ. Ознакомясь съ городомъ, я пустился на поискъ »рыбалокъ« по мѣстному выраженію. Въ любомъ маленькомъ городкѣ на Днѣпрѣ вы найдете десятка два рыбаковъ, исключительно занимающихся своимъ промысломъ, и вамъ любо потолковать съ этимъ добрымъ и безстрашнымъ народомъ, который иногда по суткамъ пропадаетъ въ лодкѣ. Здѣсь дѣло, идетъ не объ артеляхъ, гдѣ разнохарактерные забродчики служатъ неистощимымъ матеріаломъ для наблюденія, но о тѣхъ рыбакахъ, которые ѣздятъ въ одиночку или берутъ въ помощь когонибудь изъ семейства. На Днѣпрѣ подобные рыбаки есть въ каждомъ селеніи, а на Днѣстрѣ и въ городахъ приходится ихъ отыскивать чуть не со свѣчою. Мнѣ указали на одного старика, извѣстнаго рыболова, который могъ сообщить не-

обходимыя свѣдѣнія, но этотъ старикъ разсказалъ то, что я зналъ и безъ него, о плохомъ уловѣ и на опытѣ подтвердилъ, что днѣстровскіе рыбаки не умѣютъ заниматься своимъ промысломъ. Нѣтъ у нихъ ни порядочныхъ снарядовъ, ни снаровки, а о лодкахъ я уже не говорю, потому что это не болѣе какъ неповоротливыя корыта, въ которыя страшно садиться непривычному человѣку. Спускались мы пониже Могилева на двухъ лодкахъ и забрасывали сѣти: рыбы поймалось довольно, только все мелкая, хотя, по словамъ моихъ спутниковъ, не ожидали они и такого улова. Бываетъ зимою, что случаются порядочныя тони, но промыселъ остается безъ всякаго развитія.

Гораздо больше въ Могилевѣ обращаютъ вниманіе на разведеніе винограда, который произрастаетъ въ каждомъ саду вообще и въ тѣхъ въ особенности, гдѣ смотрятъ на него какъ на отрасль дохода. Вся часть города, примыкающая къ скаламъ, защищенная отъ сѣвера, покрыта садами, необработанными для гуляній, но насаженными виноградомъ, вызрѣвающимъ въ августѣ. Виноградъ потребляется на мѣстѣ, и въ урочное время базаръ заваленъ его синими и бѣлыми кистями. Желаящіе получить лучшей виноградъ и за болѣе умеренную цѣну посылаютъ прямо въ сады, гдѣ съ утра и до вечера производится торговля. Мнѣ въ особенности рекомендовали садъ одной вдовы, извѣстный разнообразіемъ и доброкачествомъ винограда. Я отправился на конецъ города, по брацлавской дорогѣ, и, поворотивъ направо у мостика, очутился въ области садовъ, тянущихся по предгорью на большое разстояніе. Здѣсь тоже нѣсколько переулковъ, въ которыхъ стоятъ уединенныя домики со всѣми деревенскими принадлежностями. Перебравшись черезъ извилистый ручей, мы съ проводникомъ пошли немного въ гору и начали встрѣчать народъ съ узелками и корзинками, наполненными виноградомъ. Направо и налево тянулись заборы, на которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взлѣзали дѣти съ цѣлью полакомиться и опрометью спускались на землю, слышавъ шаги сторожа или хозяина. Группы ихъ сидѣли на площадкѣ и дѣлили кистями винограда. Мы направились прямо къ низкимъ воротамъ и вошли въ отворенную калитку. Небольшой домикъ съ крылечкомъ стоялъ въ глубинѣ, гдѣ на лавочкахъ сидѣли посѣтители. Ко мнѣ подошла старуха и спросила: — что угодно?

— Хотѣлось бы купить нѣсколько фунтовъ хорошаго винограда.

— Погуляйте по саду, отдохните, а послѣ выберете, и мы вамъ нарѣжемъ какого угодно.

Закуривъ папиросу, я пустился по кривымъ утоптанымъ тропинкамъ осматривать садъ, наполненный высокими роскошными лозами. Кисти бѣлаго и синяго винограда, озаряемая солнцемъ, въ изобиліи висѣли между широкими темными листьями и въ иныхъ мѣстахъ образовали живописные фестоны, словно развѣшанные искуснымъ декораторомъ. Обойдя сѣверную сторону и возвращаясь по дорожкѣ у забора, я остановился у одной пышной яблони, унизанной красными большими плодами. На скамейкѣ, въ легкомъ кисейномъ платьицѣ, въ круглой пастушеской шляпѣ, стояла стройная молодая особа и, срѣзывая виноградъ, бросала его въ корзинку, которую подставляла ей пожилая женщина. Въ этой стройной фигурѣ было столько граціи, все въ ней, начиная отъ крошечныхъ ножекъ до черныхъ густыхъ волосъ, выбивавшихся изъ-подъ шляпы, было такъ изящно, что я невольно заглядѣлся.

— А вотъ еще покупатель, сказала женщина.

Дѣвушка оборотилась, и я увидѣлъ совершенную красавицу съ большими черными глазами и обворожительной улыбкой. Она сошла со скамейки и привѣтливо мнѣ поклонилась.

— Вамъ угодно винограда? спросила она пѣвучимъ голосомъ по польски.

— Да, хотѣлъ бы купить.

— Вы, вѣроятно, пріѣзжій?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Можетъ быть угодно проходиться? я покажу вамъ нашъ садикъ.

Хотя я уже обошелъ всѣ дорожки, однако счелъ неволевымъ отказаться отъ подобной спутницы. Дѣвушка кокетливо оправила платье, откинула назадъ волосы, и мы пошли вдоль виноградника. Признаюсь, я затруднялся начать разговоръ съ незнакомкой, но горожанки въ западныхъ губерніяхъ всегда выручатъ васъ своею привѣтливостью, находчивостью и особенно способностью занимать самага неговорливаго собесѣдника. Всѣ эти качества присущи каждой полькѣ, и если она расположена, то не позволить вамъ скучать ни минуты и самихъ васъ вовлечетъ въ бесѣду. Съ первыхъ же фразъ я замѣтилъ, что нечего было искать въ моей спутницѣ особеннаго образованія, и потому велъ разговоръ, не касаясь пред-

метовъ, которые приходились ей не по плечу, наводя на рассказы о внутреннемъ бытѣ знакомаго ей общества. Когда мы поразговорились — кто я и откуда, дѣвушка тотчасъ же перемѣнила польскій языкъ на русскій, которыми владѣла одинаково, и въ какія нибудь четверть часа очеркнула мнѣ свой бытъ, непредставлявшій ничего особенно утѣшительнаго. Мать ея, бѣдная вдова, все состояніе которой заключалось въ садикѣ, не имѣла другихъ доходовъ, кромѣ продажи фруктовъ, разумѣется, въ урожайное лѣто, а въ случаѣ засухи или иныхъ катастрофъ, посѣщающихъ плодовые деревья, заглядывала и нужда подъ соломенную кровлю уединеннаго домика. Знакомство у нихъ было не обширное, да и посѣщать знакомыхъ далеко, потому что сады на окраинѣ города.

— И вы не скучаете? спросилъ я.

— Какъ не скучать! Мнѣ всего семнадцать лѣтъ...

И дѣвушка потупила глазки. Но я понялъ, какія грустныя мысли навелъ на нее своимъ вопросомъ.

— Случается проводить дома цѣлыя недѣли, сказала она черезъ нѣсколько времени: — работать наскучить, почитала-бъ — книгъ нѣтъ, да у насъ въ городѣ и достать нельзя. Однако я васъ заговорила, пойдемте въ горницу, вы отдохнете, покурите, а потомъ я нарѣжу вамъ винограда.

Молча я послѣдовалъ за своей спутницей въ небольшую горенку, убого, но чисто убранную, гдѣ на столѣ увидѣлъ разорванный нумеръ стариннаго «Москвитянина» и двѣ тетрадки стиховъ, переписанныхъ четкою рукою какого-то досужаго обожателя. Привѣтливая хозяйка усадила меня на деревянный диванъ, покрытый простымъ коврикомъ, сама усѣлась на сундукъ и предложила папиросу. Признаюсь откровенно, давно уже я не видѣлъ такой красавицы, и, хоть не имѣлъ въ виду ухаживать за нею, хоть даже было много дѣла, однако, вліяніе красоты вообще такъ обаятельно, что я невольно оставался на неудобномъ деревянномъ диванчикѣ. Дѣвушка, впрочемъ, не была такой простушкой, какой показалась мнѣ въ первыя минуты, и обнаружила нѣкотораго рода насмѣшливость надъ ближними.

Скоро явилась мать. Присутствіе незнакомца у дочери несколько не показалось ей страннымъ, потому что въ саду посѣтителей всегда много, не знаю, всѣ ли они только приходятъ собственно за виноградомъ: повидимому большинство спѣшить насмотрѣться на черноглазую панну. Дѣвушка отрекомендовала меня матери, которая предложила идти въ виноградникъ

и отобрать какихъ угодно гроздій. Въ это время на порогѣ робко показался молоденькій юноша, одѣтый довольно опрятно, съ тоненькой тросточкой, и неловко поклонился. По робкому и вмѣстѣ недовольному его взгляду, брошенному на меня, я догадался, что этотъ господинъ изъ числа поклонниковъ, и, не зная отношеній молодыхъ людей и изъ боязни помѣшать свиданію, о которомъ, можетъ быть, давно мечтали, я попросилъ старуху идти въ садъ и откланялся красавицѣ.

— Нѣтъ ужъ, пускай маменька остается отдыхать, я сама пойду съ вами, сказала она.

И, надѣвъ шляпу, направилась она къ двери, сдѣлавъ мнѣ знакъ слѣдовать за собою. Я вышелъ. На лицѣ дѣвушки разлита была какая-то лукавая веселость. Мнѣ показалось, что красавица ожидала отъ меня какого-то вопроса.

— Зачѣмъ это вы лишили молодаго человѣка удовольствія побесѣдовать съ вами? сказалъ я.

— Этого молодаго человѣка я вижу каждый день, отвѣтила она съ улыбкой: — и всегда рада, если есть случай отъ него отдѣлаться.

— Вы же недавно говорили, что вамъ скучно?

— И какъ еще скучно! но есть люди, съ которыми гораздо скучнѣе, нежели въ одиночествѣ.

Дѣвушка замолчала и повела меня къ яблони, гдѣ я увидѣлъ ее впервые.

— Держите корзинку, говорила она, вспрыгнувъ на скамейку: — я нарѣжу вамъ самаго лучшаго винограда.

Я взялъ корзинку. Стоя возлѣ этой изящной фигуры, которая, наклоняясь впередъ и поворачиваясь между виноградными листьями, обнаруживала необыкновенную грацію, я уже не находилъ предмета для разговора, хоть мнѣ и желалось узнать причину — отчего робкій юноша былъ непріятенъ для красавицы.

— А гость вашъ такой хорошенькій, сказалъ я наконецъ.

— Много ихъ, хорошенькихъ! Вы замѣтили у меня на столѣ тетрадку стиховъ съ розовой ленточкой? ее переписывалъ одинъ молодой человѣкъ, такъ тотъ еще лучше.

— И того вы, конечно, принимаете привѣтливѣе?

Дѣвушка посмотрѣла на меня.

— И того принимаю точно такъ же.

— А!

— Бе! проговорила она и, залившись смѣхомъ, уронила вѣтку винограда мнѣ въ корзинку.

— Вы, какъ я вижу, шалунья.

— Но не зла и не насмѣшница.

— Не знаю, но вѣрю, что всѣ они, сколько ихъ есть, страдаютъ о васъ.

— Это правда, да мнѣ-то ни тепло, ни холодно отъ ихъ страданій.

— И неужто вамъ не жаль этихъ юношей?

— А кто-жъ имъ виновать: они очень хорошо знаютъ, что ничего не получаютъ.

— Вѣроятно вы имъ этого не говорите.

— Говорила по десяти разъ.

И дѣвушка разсмѣялась.

Мнѣ мелькнула мысль, что она, должно быть, порядочная кокетка.

— Значить у васъ нѣтъ сердца или оно занято.

Красавица посмотрѣла на меня черезъ плечо, и долгій взоръ ея сверкнулъ какой-то гордостью.

— Вы угадали, сказала она.

— Что?

Она покраснѣла.

— У меня есть женихъ.

И головка ея скрылась въ виноградныхъ листьяхъ. Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Ну вотъ, я думаю, довольно уже я нарѣзала винограда, сказала она, спрыгнувъ со скамейки. — Давайте свѣсимъ — сколько выйдеть.

Поэзія исчезла, явилась проза коммерціи, мнѣ приходилось заплатить деньги. Не безъ нѣкотораго волненія положилъ я въ хорошенькую ручку нѣсколько мелкаго серебра. Дѣвушка сосчитала, опустила деньги въ карманъ и вынула оттуда мнѣ двѣ или три мѣдныя монеты.

— Вотъ сдача. Есть у васъ платокъ?

— Возьметъ проводникъ.

— Я лучше вамъ дамъ корзинку, а вы послѣ пришлете или, можетъ быть, сами занесете. Вы вѣдь не скоро уѣдете?

— Да, пробуду еще нѣсколько дней.

— Приходите, поболтаемъ, если не скучно.

— Приду съ удовольствіемъ.

Старуха съ юношей подошли къ намъ въ это время. Последній былъ очень печалень.

— Что вы такой кислый? спросила его дѣвушка, оправляя платье.

— Какъ всегда.

— А развѣ это хорошо?

— Такая уже природа.

— И, полно клепать на природу! Ну, покушайте винограда.

— Развѣ я пришелъ за этимъ!

— Что-жъ, одно другому не мѣшаетъ. А папиросы есть?

— Есть. Извольте.

И юноша подаль папиросу. Я однако же поспѣшилъ раскланяться, считая свое посѣщеніе весьма продолжительнымъ.

Когда, дня черезъ два, снова я отправился въ виноградникъ, красавица встрѣтила меня у калитки и весело привѣтствовала. На этотъ разъ она одѣта была еще кокетливѣе и держала въ рукахъ маленькій зонтикъ.

— Я только что была въ городѣ, сказала она:—и думала— не встрѣчусь ли съ вами.

Я посмотрѣлъ вопросительно.

— У меня есть къ вамъ просьба.

— Очень радъ, если могу служить вамъ.

— Пойдемъ по саду или присядемъ на скамейкѣ, а-то у насъ гости и при нихъ будетъ неловко.

Любопытство мое было сильно затронуто. Мы прошлись по дорожкѣ и усѣлись на скамейкѣ.

— Закуривайте папиросу.

Дѣвушка замолчала и потупила глаза. По лицу ея началъ разливаться усиленный румянецъ.

— Вѣдь вы изъ Петербурга? спросила она, поднявъ на меня свои большіе черные глаза, подернутые влагою.

— Да.

— И, разумѣется, у васъ тамъ есть знакомые.

— Есть.

— Вотъ еслибы вы могли пособить моему горю — сами или черезъ знакомыхъ, все равно, — я была бы очень вамъ благодарна. Видите ли, въ чемъ дѣло: мой женихъ военный и человѣкъ небогатый, я тоже дѣвушка безъ состоянія, а начальство его требуетъ обезпеченія. Мы не можемъ дать сколько надо, а безъ этого не разрѣшаютъ.

— Что же я могу сдѣлать?

— Не можете ли похлопотать въ Петербургѣ?

Жители отдаленныхъ провинцій имѣютъ какое-то смутное понятіе о столицѣ и воображаютъ, что столичный житель, кто бы онъ ни былъ, непременно встрѣчается въ обществѣ

со всѣми сильными міра и въ состояніи сдѣлать не только возможное, но даже обойти законъ и удовлетворить всякую фантазію, возникшую на провинціальной почвѣ.

Въ короткихъ словахъ представилъ я своей собесѣдницѣ всю ломкость ея надеждъ на мое посредничество, стараясь убѣдить ее, что я лицо неслужащее, которому не только не доступны правительственныя учрежденія, но даже неизвѣстно ни одно лицо, имѣющее гдѣ бы то ни было и какое бы то ни было вліяніе. Сперва она не понимала меня, можетъ быть, даже считала слова мои уловкой вступить въ какія нибудь условія относительно моего посредничества. Предположеніе это я основывалъ на томъ, что лицо ея приняло серьезное выраженіе, улыбка исчезла, а испытующій взоръ словно хотѣлъ мнѣ заглянуть поглубже въ душу. Во всякомъ случаѣ я не желалъ оставаться въ памяти этого интереснаго созданія въ невыгодномъ свѣтѣ и объяснилъ, что еслибы кто и обѣщаль ей исполнить просьбу, то это было бы или наглое хвастовство, или неблагородная попытка подкапываться подъ ея благосклонность. Грудь красавицы сильно поднялась, и глубокой вздохъ разрѣшилъ ея внутреннее волненіе. Дѣвушка пристально посмотрѣла на меня.

— Благодарю васъ. Знаете ли, я теперь разомъ поумнѣла. Значитъ всѣ совѣты—какъ и куда обратиться—все это сказки.

— Я такъ полагаю.

Она махнула рукою.

— А я, дура, вѣрила... И что-жъ удивительнаго? мы живемъ какъ въ лѣсу. Мнѣ тяжело, но, по крайней мѣрѣ, я знаю, что нечего напрасно надѣяться.

— Но зачѣмъ же вашъ женихъ, если вы такъ любите другъ друга, непременно хочетъ оставаться въ военной службѣ?

— Куда же ему выходить въ отставку, коли нѣтъ состоянія.

— Можетъ найти мѣсто.

— Я и сама говорила ему, такъ онъ отвѣчаетъ, что статской службы терпѣть не можетъ.

— Это пока причина неразумная.

— А главное ничего въ ней не понимаетъ.

— По словамъ вашимъ и вы, и женихъ недостаточны, положимъ, начальство наконецъ разрѣшило бы вашу свадьбу: неужели же вы думаете, что женатому офицеру можно прожить однимъ жалованіемъ?

— Другіе живутъ...

— Но это не жизнь. Вы, вѣроятно, никогда не видѣли
убогаго офицерскаго семейства въ походахъ.

— Точно, не видѣла.

— Я не желалъ бы вамъ подобной доли. Впрочемъ, это я
говорю собственно изъ участія, а подавать совѣтъ не мое дѣло.

— Нѣтъ, я и сама знаю, что бѣдному трудно содержать
жену, да какъ же быть-то? Вотъ другой годъ мы знакомы,
дали другъ другу слово.

Я молчалъ, потому что каждая моя фраза должна была
обрывать у собесѣдницы послѣднюю розовую мечту о будущ-
ности.

— Что же вы молчите? спросила меня дѣвушка груст-
нымъ голосомъ.

— Еслибы я былъ на мѣстѣ вашего жениха и любилъ
васъ, я бросилъ бы все, вышелъ въ отставку и занялся воз-
дѣлываніемъ винограда.

Она улыбнулась.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Не задумался бы ни на минуту.

— Да вѣдь онъ молодъ, кто знаетъ, можетъ быть до-
служится до полковника, до генерала.

— Все это можетъ быть, но прежде, чѣмъ сдѣлаться
генеральшей, вы перенесете столько тяжелаго, столько испы-
таете грустнаго, что никакое генеральство не вознаградитъ
вамъ безотрадныхъ лишеній. А жить хоть бѣдно, да въ сво-
емъ углу, воздѣлывать садикъ, трудиться...

— Можно бы прикупить мѣсто у сосѣда...

— Расширить виноградникъ, улучшить лозы.

— Полно те, вы меня убаюкиваете, какъ ребенка.

— Идите поскорѣе, нарѣжьте винограда! сказала вдругъ
работница съ подоткнутымъ подоломъ, изъ-подъ котораго вид-
нѣлись непривлекательныя красныя икры: — и дайте сдачи
съ карбованца (рубля).

Собесѣдница моя встала со своего мѣста.

— Пойдемте, если вамъ не скучно, пока я отпущу по-
купателя.

— Мнѣ тоже кстати нужно купить фруктовъ.

— Да вы бы покушали и такъ, сколько угодно, вѣдь у
насъ много.

— Благодарю васъ, пожалуй, съѣмъ вѣтку, другую, но
мнѣ все равно надо же купить для дому.

Когда покупатель былъ удовлетворенъ и я получилъ свою долю винограда, красавица подошла ко мнѣ близко и посмотрѣла на меня яснымъ дружескимъ взоромъ.

— Вы говорили мнѣ горькія слова, сказала она тихимъ пѣвучимъ голосомъ: — и хоть я простая, необразованная дѣвушка, но вижу, что вы говорили отъ сердца... Правда, лучше жить бѣдно, трудомъ въ своемъ углу, нежели тереть чужіе... Но куда же вы?

— Пора.

— Но вы нескоро уѣдете?

— Завтра или послѣзавтра въ Атаки.

— О, это черезъ рѣку. Значить мы еще увидимся.

— Вѣроятно.

Дѣвушка проводила меня на дорожку къ выходу, и мы разстались. Чтобы окончить объ этомъ знакомствѣ, прибавлю только, что, посѣщая часто изъ Атакъ Могилевъ, я навѣдался одинъ разъ и въ виноградникъ, но не засталъ дома красавицу, которая ушла къ одной своей подругѣ, и болѣе съ ней уже не встрѣчался. Мать ея провожала меня по саду, останавливалась подъ яблонью, у скамейки, рассказывала объ урожаѣ, нарѣзала мнѣ хорошаго винограда, но въ садикѣ уже исчезъ тотъ поэтическій колоритъ, который набрасывало на него присутствіе круглой шляпы, короткаго платица и стройной узкой ножки, обутой въ ботинку съ каблукками.

Вечеромъ, особенно наканунѣ субботы, улицы Могилева представляютъ оживленное и красивое зрѣлище. Во всѣхъ домахъ ближе къ базару ярко горитъ усиленное освѣщеніе и толпы евреевъ и евреекъ расхаживаютъ по городу съ немолкаемымъ говоромъ, который, особенно издали, походить на гудѣнье пчелъ въ огромномъ ульѣ. Всѣ они въ это время разодѣты въ лучшіе праздничные костюмы, и каждый даже своему лицу старается придать праздничное выраженіе. Но, прислушиваясь къ рѣчамъ, вы поминутно услышите слова »кербель« (рубль) и »копекесь« (копѣйка), безъ которыхъ не обходится ни одна еврейская бесѣда. Дѣти тоже выступаютъ чинно вслѣдъ за взрослыми, стараясь подражать походкѣ отцовъ и матерей, которые въ праздникъ ходятъ совершенно иначе, нежели въ будни — черта, впрочемъ, свойственная не одному еврейскому племени. Въ хорошій теплый день я съ большимъ удовольствіемъ гулялъ наканунѣ субботы по Могилеву и присматривался къ оживленнымъ фізіономіямъ. Самый горькій труженикъ изъ еврейскихъ ремесленниковъ, незнаю-

щій цѣлюю недѣлю отдыха, считаетъ обязанностью быть бодрѣе и веселѣе въ шабашъ и, шесть дней валяясь въ грязи, въ седьмой зорко слѣдить, чтобъ на его праздничномъ, хоть и потертомъ, сюртучишкѣ не было ни пятнышка, ни пылинки.

Въ субботу, днемъ, центръ города кажется совершенно опустѣлымъ: всѣ лавки заперты, еврей или въ синагогѣ, или отдыхаютъ по домамъ и рѣдко кто пройдетъ по улицѣ. Въ это время проѣзжему и достать ничего невозможно, потому что, сколько я замѣтилъ, въ Могилевѣ только и есть двѣ желѣзныхъ лавки, въ которыхъ торгуютъ русскіе, остальные всѣ принадлежатъ евреямъ. Послѣдніе до такой степени чтутъ свои праздники, что я рѣшительно не могу припомнить ни одного случая, когда бы еврей соблазнился въ шабашъ даже значительнымъ барышомъ, а мнѣ въ путешествіи не разъ встрѣчалась необходимость обращаться къ нимъ за покупками въ субботу. Я не вижу въ этомъ никакой собственно заслуги, потому что праздникъ, осуждая человѣчество на бездѣйствіе, лишаетъ его возможности улучшить свое положеніе, тѣмъ болѣе въ рабочемъ классѣ, и обязательный отдыхъ, когда я могу и хочу работать, представляется даже какою-то аномаліей; но съ другой стороны замѣчательно то, что еврей столько тысячъ лѣтъ такъ твердо и неуклонно слѣдуютъ преданіямъ. Торговля и промышленность, вошедшія въ плоть и кровь этого племени, особенно у насъ, гдѣ ему не представляется другой дѣятельности, овладѣвшія всѣми помыслами еврея, оказываются бессильны наканунѣ праздника и въ праздникъ, и, смотрите, какъ онъ крѣпко держится каждой буквы своего закона! Но что удивительнѣе, по крайней мѣрѣ для меня, выросшаго въ краю населенномъ еврейскимъ племенемъ — я никогда не видѣлъ, чтобы пьяные еврей подрались въ шабашъ. А между тѣмъ у нихъ въ полной силѣ правило: »око за око и зубъ за зубъ«, и нѣтъ въ заповѣдяхъ изреченія: »любите враги ваши и творите добро ненавидящимъ васъ«.

Что касается до нравственности массы, то она та же, что и вездѣ, и элементы ея неутѣшительны: плутни, обманъ ловкое надувательство при извлеченіи барышей, однимъ словомъ — всѣ средства къ достиженію корыстныхъ цѣлей.

О жизни высшаго могилевскаго общества, право, не знаю, что сказать изъ боязни повторять избитыя фразы, разсѣяныя во всевозможныхъ описаніяхъ быта провинціальныхъ городковъ нашихъ. Главный элементъ здѣсь составляютъ чи-

новники уѣздной іерархіи, которые созданы по образу и подобію повсемѣстной рутины и отличаются развѣ преобладаніемъ »польщизны«. Весь день они на службѣ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, потомъ обѣдъ, послѣ обѣда непременно сонъ, а вечеромъ маленькій преферансъ просто или съ пирушкой по случаю какого нибудь семейнаго событія. Другихъ ресурсовъ не имѣется. Пріѣзжіе помѣщики, правда, оживляютъ это однообразіе, но и они подчиняются заведенному порядку, посѣщая знакомыхъ чиновниковъ, а если даютъ у себя на квартирѣ вечеринку, то и здѣсь главную роль играютъ преферансъ и ужинъ.

Проживая въ Могилевѣ и въ самомъ центрѣ его кипучей дѣятельности, заведя, сверхъ того, знакомство съ разными торговцами и промышленниками, я нашелъ возможность прослѣдить неофициальную часть торговли, тѣмъ болѣе, что въ странствіяхъ по границѣ ознакомился съ ея приемами. Привозъ и вывозъ контрабанды производится болѣе или менѣе безцеремоннымъ образомъ. Фуры приходятъ прямо, сваливаютъ товаръ, если онъ сюда адресованъ, или ѣдутъ дальше по назначенію отправителя. Не употребляютъ никакихъ предосторожностей, и даже нѣтъ той таинственности, какая соблюдается въ Хотинѣ и Каменцѣ, за исключеніемъ пріѣзда въ городъ какого нибудь чиновника особыхъ порученій. Но и тогда, что дѣлалось днемъ — совершается ночью и транспорты контрабанды проходятъ благополучно по тракту на Брацлавъ, Умань, проникая къ Днѣпру и за Днѣпръ, смотря по надобности. Такъ какъ Могилевъ считается внутреннимъ городомъ, то и въ торговлѣ его предполагаются условія, свойственныя всѣмъ внутреннимъ городамъ имперіи. Въ прежнее время, когда по Днѣстру были таможи, существовало и многочисленное сословіе истыхъ контрабандистовъ; но теперь остались только преданія, и развѣ на всякій случай находятся нѣсколько человѣкъ отчаянныхъ малыхъ, которые при какой нибудь неожиданной катастрофѣ лучше другихъ могутъ обмануть полицейскихъ сыщиковъ. Впрочемъ, эти ловкія личности имѣютъ и какое нибудь опредѣленное занятіе, потому что случаи, когда требуется ихъ искусство, весьма не часты и доставляютъ не Богъ знаетъ какіе заработки.

Отдаленныя улицы или, лучше сказать, мѣста Могилева, скорѣе походящія на деревни, обитаемы малорусскимъ населеніемъ, которое занимается садоводствомъ, огородничествомъ и земледѣліемъ, разумѣется, не въ большихъ размѣрахъ, и

отличается отъ сельскихъ жителей только мѣщанскимъ костюмомъ да нѣкоторыми обыкновеніями.

О городѣ же можно сказать вообще, что онъ населенъ преимущественно евреями, которые, придавая жизнь его внутреннему быту и оживляя торговлю и промышленность, занимаютъ всѣ лучшія улицы и поражаютъ проѣзжаго своею многочисленностью.

Окрестности Могилева чрезвычайно живописны, какъ и все вообще приднѣстровье.